

Молодые

ГОЛОСА

ДЕГТЯРСКА

СБОРНИК

ЛИТЕРАТУРНОГО КРУЖКА

ПРИ БИБЛИОТЕКЕ ДВОРЦА КУЛЬТУРЫ

1960

Евграф ЛАТЫШЕВ

ЕВГРАФ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛАТЫШЕВ
родился в 1932 году в с. Е.-Павлово,
Пермской области. В 1950 г. окончил
с отличием Ревдинское ремесленное
училище, в 1951 - 1954 г.г. в Сов.
армии, писать начал с 1952 г., за-
нимался в лит. группе под руковод-
ством поэта-песенника А. Коваленко-
ва, поэта Игоря Лашкова и писателя
Ивана Стадника. Стихи печатались в
газетах "За большую Дегтярку", "Рев-
динский рабочий", "На смену", "Трево-
га", "Кр. воин". Работает нач. инстру-
ментального участка Дегтярского ме-
ханического завода.

У М Е Л Е Ц

Как у всех, и в нашей части,
В неприметной мастерской,
Для солдат сапожный мастер
Чинит обувь день-деньской.

Чинит прочно и красиво,
Сапоги не снял бы с ног.
Если б можно - не носил бы,
А до свадьбы приберёт.

Строчки ровных швов упрячет,
Да подковки подобьёт, -
Иногда, придёт заказчик,
Сапоги не узнаёт.

А ему умелец с лаской
Скажет:

- Чисти и суши,
Не жалея сапожной смазки,
Чтобы были хороши.
Плох сапог - на марш не годен.
Без сапог - ты не солдат.
Ноги вымокнут в походе -
Лечь придётся в медсанбат.
Суть не в кожаных обрезках, -
Им сапожник знает счёт, -
У защитников советских
Он здоровье бережёт.

В Е С Н А И Д Ё Т

Мороз на окнах вырезал узоры,
Как на кости искусный косторез.
Уж март к концу, и ветер с косогора
В последний раз замёл позёмку в лес.
Зимы седой суровые метели
Умчал он в край за тридцать земель.
И даже в рощах, сбросив иней, ели
Шумят, шумят, приветствуя апрель.
Уж дни длинней и ночи покороче.
И наст такой - хоть за версту иди!
И сердце петь и радоваться хочет
Сейчас сильней у каждого в груди.
Синицы дням весенним тоже рады:
Морозы пережив, щебечут веселей.
И в час досуга для гостей ребята
Скворечники готовят потешней.
Хотя в лесу лучами снег не тронут, -
По-зимнему таинственная тишь.
Прислушайся к пленительному звону
Хрустальных капель, слышащихся с крыш!
Уже кой-где проталины заметны
И даже небо голубей стаёт...
Идёт весна по всей стране победно
И в планах грандиознейших работ!

О Д Н О Й И З М Н О Г И Х

Памяти военной медсестры.

...Кто, откуда... часто ты не знала.
Знала, что советский человек...
По целым суткам глаз не закрывала,
Ни на минуту не смыкала век.

Порой, присев на краешек постели,
Дежурила, как мать, возле юнца
У детской и уютной колыбели,
Храня дыханье каждое бойца.

С тобой, сердечной, скромной и простою
В полубреду, сказав нервно желваки,
Иной солдат позабывал о бое,
Согрев себя теплом твоей руки.

От строгости, порядка, или покоя,
От чистоты ли тёплых слов твоих,
Из медсанбата уходя,

герои

Вставали вновь в строй мстителей живых.

Все те, кто выжили, вынужден тобой,
Не скажут: жизнь в удаче или судьбе...
Они за то, что победивши - строят,
Своей судьбой обязаны тебе.

С Л Е П А Я Д У Ш А

Паренёк на вид с сорокового.

С русыми чубом на высоком лбу.

Слушает наставника "лихого",

Как найти счастливую судьбу.

- Я всю жизнь свою прожил, как надо,

Ни о чём мне не пришлось тужить. -

И, ехидно улынувшись, взглядом

Словно подчеркнул, как надо жить.

- У меня корова, овцы, гуси,

Двор добротный, огород большой...

Всё свое... Тихонечко тружуся,

И здоров я телом и... душой.

То пойду мяска продам немного

Или вещь куплю-перепродам.

Выгоднее, парень, так. Ей-богу...

А чего же больше надо нам?!

Ведь иной и ходит на спектакли,

Получает множество газет,

Хуже моего живёт... Не так ли? -

- Есть и так, - сказал другой в ответ.

- И живу, и людям не мешаю,

Ничего, что неуч, в знаниях слеп.

Как мне жить, про то прекрасно знаю,

Будут деньги, - значит, будет хлеб....

- Только я, дед, буду жить иначе.

Никогда не буду я таким!

Лучше двадцать лет прожить, но зрячим,

Чем полсотни, но таким слепым.

А П Р Е Л Ь

Еще мороз и колок, и сердит,

Еще порою дует и буранит...

К окну прильнув, на улицу глядит

Цветок душистой, молодой герани.

И не напрасно, о весне твердя,

Мы говорим: куда там зимней стуже!..

Мальчишка, по завалинке пройдя,

Уже ботинки моет в первой луже.

1958.

У Р А Л Ь С К А Я П И О Н Е Р С К А Я

Когда заря над Родиной вставала
И осветила светом ясный путь,
В тот час и нам частичку зорьки алой
Любимый Ленин прикрепил на грудь.

И если нас в пути застанут грозы,
Им пионерских не размыть рядов.
Мы любим край, как пионер Морозов,
Как славный сын Отечества Свердлов.

Живём одним мы, ленинским заветом,
Одной мечтой партийных, общих дел...
Чтоб на груди у всех детей планеты
Как символ счастья галстук зазел.

Н А Ч А Л О П У Т И.

Сталь под резцом посвистывает тонко,
Вьётся стружка в синюю спираль.
Вроде бы бесхитростно девчонка
Точит очень сложную деталь.

Ей по плечу, видать, любое дело.
И надежды у неё светлы...
А давно ли в цех вошла несмело,
Путь начав свой с тряпки и метлы!

О С Е Н Н Е Е У Т Р О

Выйду в поле приветливым утром
Глаз от нив оторвать не могу.
Отливает трава перламутром
На туманном колхозном лугу.
Золотистой ниточкой тонкой
Первый луч спутал листья у лип.
И, как волосы моет девчонка,
Моет травы густые Таны. X/
Что-то шепчут черемухам клёны,
А ветвями точь-в-точь обнялись.
Ряд за рядом ржаные суслоны,
Как солдаты, в полях разбрелись.
Ярче светит вечерняя зорька.
Утром иней лежит на земле.
Осень. Скоро фальшивое "горько"
Мы услышим на свадьбах в селе.
Вон и вклинился в ясное небо
Сероватый косяк журавлей...
Испечённым ржаным свежим хлебом
Ветерок мне доносит с полей.

X/ Приток р. Уфимки.

БАРАБАНИТ В ОКНО . . .

Барабанит в окно надоедливый дождь,
Беспрестанно стучится по крыше...
Если ты и сегодня ко мне не придёшь, -
Может, песенку эту услышишь.

Тяжело, что винны не найду за собой:
Чистой дружбой закончилось лето.
Но еще тяжелее, что я - не с тобой,
Что и высказать некому это.

Может, в душу запала другая тебе,
Может, взгляда с нее ты не сводишь?
Я не буду мешать вашей светлой судьбе,
Только б знать: почему не приходишь?

1958.

Л Е Т О

За селом гречиха полем стелется,
Вся в цвету стоит, белым - бела.
Кажется, что в летний день метелица
это поле снегом замела.

А за нею - речкой разделенные,
Словно два огромные ковра,
Запахом медовым напоенные -
С бархатной кашкой клевера.

И с утра до самого до вечера
Слышен в травах стрекот без конца.
Скоро жатва. И опять кузнечики
Не хотят отстать от кузнеца.

1958.

Р А Д О С Т Ь

Два шага шагнул синишка-кронка,
Два шага впервые сам шагнул!
Ну ещё, ещё, сынок, немножко,
Придержись ручонками за стул.
Будь всегда настойчивым, упрямым,
А когда побольше подрастёшь,
Ты со мной, а может быть, и с мамой
Первый раз по улице пройдёшь.
Поглядишь на город незнакомый,
На людей, на радуги огней...
Жаль, что мамы нет сегодня дома -
Сколько было б радости у ней!
По-отцовски, за шаги вот эти,
Рад поднять тебя до самых звёзд.
Ты расти счастливым, сын, на свете,
И иди по жизни в полный рост!

В С Е Н А Р О Д Н Ы Й М А Й

Полощет знамёна весенний ветер,
И всюду улыбки, весёлые лица.
Самое большое счастье на свете -
В нашей советской стране родиться.

День Первомай ясен и светел,
И словно от радости шепчутся сосны.
Но были и есть на великой планете
Совсем не такие,

товарищи,

вёсны.

Щетину штанков своей грудью встречая,
Шли люди на сходки, чтоб крепче сплотиться,
Чтоб в день солидарности, в день Первомай
В борьбе своей новых успехов добиться.

В России впервые низвергнуто рабство
И канула в вечность тяжёлая доля.
В борьбе победило рабочее братство,
Единство,

сплочённость,

отвага

и воля.

Но есть ещё главы правительств на свете,
Что воли народной, как бомбы, боятся.
Никто не удержит идеи в запрете,
Не остановит людских демонстраций!

Сегодня по улицам гордо шагая
Под знаменем алым,

овеянным славой,

Мы к миру стремленья свои выражаем
Всем нашим народом,

всей нашей Державой!

КУЗНЕЦ

В гори заложив стальную заготовку,
Следит он, как болванка горяча.
И здесь нужна немалая сноровка.
Чуть прогляди - растает, как свеча.
И вот как мак болванка стала алой.
/ Я всё запоминаю и слежу/.
Минута и - из яркого металла
Деталь сродни по виду чертежу.
А там уже другая заготовка,
Нагретая чуть-чуть не добела,
Подхваченная точно так же ловко,
На наковальню ровную легла.
И словно не из стали, а из воска
Кузнец деталь искусно мастерит
И так увлётся, даже папироска
Торчит, как гвоздь, во рту и не горит.
То стукнет сам, то руку склонит вправо,
То рукавицей пот со лба смахнёт,
То своему напарнику лукаво
С улыбкой по привычке подмигнёт...
Нелёгкая у кузнеца работа,
Но он вот так работает всегда,
Вливая труд свой капельками пота
В большое море общего труда.

В Е Ч Е Р О М

Ветерок прохладой вест.
Солнце прячется в дубы.
Стали вчетверо длиннее
Телеграфные столбы.

И стоят, как ключья ваты,
По над лесом облака,
В алом зареве заката
Греют спины и бока.

А на речке мелкой, узкой
Рябь, как рыба чешуя.
Всею душой своею русской
Я люблю свои края!

1959.

В Е С Е Н Н Е Е

Пучочки слезавшейся пазли
Теребит из паза скворец,
И звонкие слышются капли,
Зимы предвещая конец.

И вновь из знакомых скворешен
Летит, словно нехотя, пух.
Скворцам теплый домик повешен,
И сделан он мной не для двух.

Гнездо разломали чужое.
Понятна мне птичья печаль.
А на сердце что-то другое:
Совсем воробышку не жаль.

Апрель. А погода какая!
Неистово солнце печёт.
Весь клам за собой увлекая,
Ручей говорливый течёт.

Как будто с весной этой ранней -
Наполнен мечтой одной:
Чтоб не было сора и дряни
На нашей земле молодой!

1959.

А Л Ь П И Н И С Т Ы

Куда ни глянь - снега да кручи,
Кругом гранит, ущалья, лёд.
И ветер, словно пламень згучий,
В лицо струей упругой бьёт.

Но осторожно, со страховкой
/ Здесь каждый - верный друг и брат /,
Связавшись прочною веревкой,
Ввысь поднимается отряд.

Идёт, минуя километры,
И что туда влечёт его?
Где кроме снега, кроме ветра,
Нет, ровным счётом, ничего.

В горах дорожек нету торных,
/ Здесь каждый шаг - упорный труд /.
Они лишь сильных и упорных
Своей суровостью влекут.

Построить ГЭС, создать машину,
Поднять ракету в синеву....
Взойти на новую вершину -
Я тоже подвигом зову!

Туда не каждый доберётся,
Не каждый сможет сил найти,
Чтоб с этой кручей бороться -
К вершине трудной подойти.

И тот, кто на вершине не был,
Тот не поймёт, не может знать,
В чём это счастье, где до неба,
Как говорят, рукой подать.

Построить ГЭС, создать машину,
Поднять ракету в синеву...
Взойти на новую вершину
Я тоже подвигом зову!

1959.

З А С Л О Н

Вдоль дороги, кое-где бугристой,
Растянувшись в бесконечный ряд,
Сосны средь берёзок пыльнолистных,
Словно взявшись за руки, стоят.

Сосны и берёзы вдоль дороги.
Всё на них - и пыль, и дождь, и зной.
А за ними ели-недотроги
Спрятались, как будто за спиной.

Первых нестерпимо жжёт лучами.
Не укрыться - первые в ряду.
Шум машины, некрепко снят ночами,
А зимой всегда на холоду...

Но не стонут... Соки буйно бродят
Под здоровым панцирем коры...
Лучше стать заслоном к непогоде,
Чем в тени укрыться от жары!

1959.

З В Ё З Д О Ч К А

Песня. Музыка написана композитором Е.П.Родыгиним.
В небе звёздочки светятся ярко,
Тихо сосны шумят на горе.

Но всех ярче над нашим Дегтярском
Разгорелась звезда на копре.

Хорошо, друг, вечерней порой

Видеть мне огонёк золотой.

Приходи, будем вместе с тобой

Любоваться горящей звездой.

Хорошо бы тебя повстречать мне

На-гора, как замолкнут гудки,

Хорошо бы согреться пожатьем

Огрубевшей шахтёрской руки.

Пусть горит дорогая, не гаснет

Трудовая звезда над копром,

С ней наш город светлей и прекрасней,

С ней к жизни счастливой идём.

Михаил

СНИЦКИЙ

Михаил Иванович С Н И Ц К И Й родился в 1931 году в деревне Заболотье Минского района Курской области в семье крестьянина. В 1940 году семья переехала на Украину, на Днепропетровщину. Здесь же и окончили Лычковскую среднюю школу Магдалиновского района в 1950 г. В том же году поступил в Днепропетровский Горный институт им. Артёма. По окончании, в 1955 году, был направлен на Дегтярский медный рудник, где и работает в настоящее время в качестве начальника смены.

Писать начал в 1958 году. Является рабкором газет "На смену!" и "За большую Дегтярку".

С Н Н У

Своего не измерил ты края:

У тебя ещё всё впереди.

Наступила весна лишь вторая,

И пока ты за нами иди.

Но придёт твое время, бесспорно,

И наступит такая пора,

Когда ты нас догонишь проворно -

Мы трудиться пойдём по утрам.

Ты найдёшь своё место, дорогу.

Она ждёт - будь достойным её:

Не хватай, не лови понемногу,

А вникай в глубину, в существо.

1958.

Х О Р О Ш О М Ы Ж И В Ё М

Хорошо мы живём,
С каждым днём всё лучше.
Наш район оснащён
Техникой могучей.

Весной сев провели
За дни - не недели.
Время то позади,
Что за восемь недель
Обсевались еде.

Теперь время - пора
Сад сажать фруктовый,
Деревца у двора,
У дороги новой.

Теперь время - пора
Каждому учиться,
Чтоб посредством пера
Опытом делиться.

Чтобы каждый из нас
Вносил предложения,
А в колхозный баланс -
Долю сбережения.

Теперь время - пора
Иметь электричество,
Чтоб на ферме скота
Выросло количество.

Чтоб смотрела молодёжь
Телепередачи,
Что поможет решать
Важные задачи.

Т Е Б Я Н Е У З Н А Т Ь

Родное село изменилось.
Мне трудно что-либо узнать.
А сколько домов появилось -
Так город недолго догнать.

Поля растянулись без края,
Овощное поле - ковер.
Нельзя, чтоб картина такая
Не грела бы прелестью взор.

Встречая знакомого парня,
Ну как же могу я узнать,
Он руку тихонько пожал мне -
И пальцы слепил, не разнять.

Так дышит здоровье родное,
Красивое наше село,
И ветер приносит степное
Весеннее чудо - тепло.

1958.

ШАХТЁРСКИЙ ОГОНЁК

Я предпринял поездку
По родным местам,
И поля, перелески
Видел прежние там.

Видел мать дорожную

И любимых сестёр...

Здесь же тройку другую

Я нашёл на копёр.

Вот спускался я в шахту

Поутру в сентябре.

Снова в шахту - на вахту!

Время было в обрез.

Натянувши спецовку,

Подошёл к ламповой

И поспешно, неловко

Номер выкрикнул свой.

Удивились в окошке:

- Девятнадцать ноль-ноль?

Это лампа Игошина!

Э, паршивка, позволь...

Видно, кто-то напутал -

Девятнадцать ноль-ноль...

Кто посмел старику-то

Причинить эту боль? -

Я стою у окошка.

Наблюдаю и жду:

"Вот как! Значит Игошину

Причинил я беду?"

А за стенкой решают
И не могут решить....
- Есть ли лампа другая?
Мне ведь надо спешить!

Я стою, ожидаю
И не знаю, в чём суть.
Взгляд в окошко кидаю,
Вижу - лампу несут.

Улыбнулась толстуха:
- Извините меня...
Бровь поднялася душкой,
А подружки звенят:

- Напустилась, морочишь,
Хоть бы сбавила тон.
Пенсионер ведь Игошин,
А при чём же тут он?

Наш Кирилл-то Андреич
Честно службу служил.
Он с душой трудился -
И трудился и жил.

Я кивнул, что их поняли,
И прошёл на конёр.
Понял так, что сегодня
Я наследный шахтёр.

Так свети мне, шахтёрский
Ясный свет-огонёк!
В трудовые денёчки
Первым встал тот денёк.

КОМСОМОЛЕЦ ЛЁНЯ

Под каской вихринки волос,
Упрямый, чуть вздёрнутый нос.
Работаешь, труд свой любя, -
Таким я запомнил тебя.
Ты крепкой рабочей рукой
Руду скреперуешь рекой,
Забыв про запас напирок,
Так, словно к лебёдке прирос.
Знаком и с солдатской верстой...
Трудящийся парень простой,
Сегодня шагаешь в забой,
Скалу вызываешь на бой.
И буришь машиной руду
Ты, с детства привыкший к труду.
А вечером в школу идёшь -
Витучую жизнь ты ведёшь!
Завидуют, Лёня, тебе,
Счастливой рабочей судьбе,
Которую кровью добыл
Отец, что в атаки ходил.
Дружище, товарищ родной,
И жизнью живём мы одной.
Хоть труд наш горняцкий тяжёл,
Но радость лишь в нём ты нашёл,
Проворен в работе, красив,
Ты крепче, чем горный массив,
Умён, если надо - хитёр.
Солдат, комсомолец - шахтёр.

ЭТОЙ ВЕСНОЙ

Р а с с к а з

Сегодня я поздно пришёл с работы, задержался. Что поделаешь, так получилось.

Дело было в конце смены. Позвонил я взрывнику в зарядную, чтобы он шёл "палить" забой. Позвонив, я поспешил по другим забоям, зная, что запальщик придёт, примет все меры предосторожности, зарядит скважины, а к этому времени и я подойду. Быстро обошёл намеченные выработки и вернулся туда, где должен был находиться наш юный взрывник. А он действительно юный, совсем ещё мальчик с виду. Ну сколько ему? Лет восемнадцать, не более. А выглядит, пожалуй, ещё моложе. Невысок, узкоплеч, но какой-то цепкий, жилистый. Поздоровавшись с ним за руку - пальцы вместе слипнутся. Прием звать его. Бра Кравцов. В прошлом году он десятый класс окончил. А нынче собирается в заочный институт. Способный мальчик. Так забой "отстрелляет", что позавидует любой мастер - взрывник.

Отец и мать у него учителями работают. Спросишь Бра: - Почему в шахту пошёл? - А нравится... - Вот какой он. Только я хотел в забой подняться - вижу, идёт. Идёт наш взрывник.

Спрашиваю его:

- Что так долго, Бра?

- Неважно себя чувствую, - отвечает и останавливается передо мной. Тяжело вздыхает.

Смотрю, по лицу его катятся крупные капли пота. Багровое у него лицо.

- Уж не заболел ли ты?

- Что-то похоже... - соглашается. А сам ставит сумку со взрывчаткой, натягивает поглубже каску с аккумуляторной шахтёрской лампой и снова за сумку берётся. Тяжело дышит.

Я придержал его за рукав.

- Давай, не отпалим.

- А следующая смена что будет делать? А план по участку? Он прав. Что будут делать люди, которые придут работать в этот забой? Отпалки-то у нас по графику, в конце смены. -

- Да к тому же и бригада... Ермаковская... - с передышками говорит он. Говорит и не договаривает: сил не хватает. -

- Ну что же?

- Как?! Бригада коммунистического труда... - выдохнул он и закашлялся. А потом поднимает свои серые большие глаза и добавляет:

- Сам-то Ермаков... сейчас речь Н.С.Хрущева слушает... в Кремле.

И точно так было. Это я позже узнал, когда мылся в душевой. Но в тот момент я только подивился и спросил его: откуда, мол, знаешь?

- В зарядной говорят... А крылатая новость и под землей летает...

Я помогал, как мог, своему юному запальщику, когда мы добрались до забоя. С трудом зарядили скважины и подожгли шпур. К выходу я пошёл первым, а Бра, кажется, шёл следом. Вдруг чувствую, что за мной нет никого. И правда, Кравцова не видно, а дым от шпуров уже во всю тянет.

Что делать? Скоро начнутся взрывы. А Бра остался в дыму. Где-то остался... Беда! Он уйти не успеет. Я шарнул - в двух

метрах от себя ничего не вижу. Стенка выработки рядом, но и её не видно. Рукой прикоснулся, но не вижу. Прошёл несколько шагов к заряженному забою - задыхаюсь, не могу дальше идти. Наклонился, шарю руками. Ползаю на четвереньках. А выстрелы вот - вот должны пойти. Я ведь потерял чувство времени...

И нашёл запальщика. Лезит... Почему-то растянулся. Может быть, без сознания?

Вреде бы и худенький он и невелик, а какой тяжёлый! Ташу вправо, за угол штрека... И едва мы выбрались, начались взрывы. Пришлось ждать, пока взорвутся все скважины.

Свистят мимо нас камни - крупные и мелкие, рудные куски. Надвигается едкий отпалочный газ. Ядовитый газ.

Считаю взрывы. И как только они кончились, понёс Вру вниз по лестнице, на свежую струю. У телефона положил его на доски и вызвал дежурную медсестру...

Оказывается, температура у нашего запальщика доходит до 40 градусов. Медсестра сказала, что у него грипп, а может быть и воспаление лёгких. Вот какой тяжелобольной он был.

Я досадовал на себя, что не запретил ему налить забой - ведь имел такое право. Ведь горный мастер всё-таки. Но не знал, что он болел до такой степени...

Вот почему я и вернулся поздно с работы. Да и шёл не спеша, всё раздумывал: "Если ты, наш запальщик, так упорно идёшь выполнять свой трудовой долг в мирные дни, то на какой подвиг ты способен, если тебе придётся стоять за свой народ, за свою Родину?"

СЛУЧАЙ НА ШТРЕКЕ

Смена подходила к концу. Выйдя на откаточный штрек, я увидел насыщика Большакова, который торопливо шагал по рельсовой дорожке.

Беспокойный характер Александра Большакова знали не только на шахте, но и на всем руднике.

Уже третий год работает он в шахте, но не было еще ни одного месяца, чтобы смена, в которой он трудится, не выполняла плана. А когда шахтеры включились в борьбу за звание бригад коммунистического труда, Александр решил стать ударником.

...Большаков решительно шагнул к телефону.

- Алло! Вторая? - громко спросил он в микрофон. - Прошу диспетчера транспорта! - и когда узнал голос диспетчера, закричал снова: - Артемьч! Где порожняк? Смена кончается. Дадите? Давайте быстрее!

И спросил его:

- Саша, сколько отправил?

- До плана не хватает трех вагонов, - быстро оборачиваясь, ответил он. Его смуглое, худощавое лицо выражало беспокойство.

В этот момент до нас донесся глухой далекий звук. Мы прислушались.

- Колыхнется, - обрадовался Александр, указывая глазами на троллейный провод. - Идет порожнячок!

И действительно, через две минуты подъехал состав вагонок. Большаков забрался на полку и начал насыпать. Два вагона наполнили быстро. Вдруг - "пробка". В луже застряли несколько крупных кусков. Руда не шла. Машинист электровоза с нетерпением выкрикивал:

- Шуруй быстрее!

- Воздухом ее, - советовал сцепщик, явно издеваясь, ибо знал, что сжатого воздуха в трубопроводе в конце смены не бывает.

- Поехали! Некогда ждать! - машинист хотел было сесть в кабину, но тут Александр прыгнул с полка и, грозно сверкая глазами, подступил к нему.

- Ты что же это! Приехал уже в три часа - и бежишь! - вне себя от возмущения закричал Александр. - Почему раньше не подал порожняк? А теперь боишься лишнюю минуту переработать!

Машинист виновато заморгал глазами и согласился подождать. Но руда по-прежнему не сыпалась в вагонетки. Александр долбил и крошил куски ее ломиком. Напрягая все силы, он взомок от пота и даже не замечал, что головка аккумуляторной лампы сорвалась с каски, болтается на одном кабеле, мешая ему размахнуться.

- Давай и мне шуровку, - подымаясь на полку, потребовал машинист.

Втроем мы обхватили камень со всех сторон, действуя ломиками как рычагами.

По селектору электровоза раздался голос диспетчера:

- Кожемякин! /это фамилия машиниста/. Немедленно выезжай к стволу! На шестом участке - массовая отпалка! - и повторил: - Немедленно к стволу! Отпалка!

Сцепщик, который стоял внизу, на штреке, сильно забеспокоился. Он знал, что после отпалки газ сразу пойдет сюда и может отравить всех. Да и все это знали.

- Слезайте, поезжайте! - кричал сцепщик, уговаривая машиниста Кожемякина.

Но тот увлекся, "заболел" за руду. Он даже забыл обо всем на свете: и что время истекло, и что смена кончилась. Он слышал, как диспетчер что-то говорил. И хотя слов его

не разобрал, конечно, догадывался, что тот вызывал его к стволу. Но для него теперь стало важнее всего то, что руда не должна остаться. Александр и его зажег огнем упорства и настойчивости. Наконец, камень медленно пополз по доскам и тяжело шлепнулся в вагон. За ним хлынула руда. Александр мгновенно закрыл крышку и почти скатился с полка. Схватив кувалду, он быстро разбил кусок - так больше войдет в вагонетку руды - и снова метнулся на лестницу.

Руда шла. Вагоны наполнялись один за другим. Теперь Александр грузил без задержки и только свистки сцепщика останавливали его. Он выжидал, пока передвигались вагоны, и снова открывал крышку люка.

- Руда вся, - наконец сообщил он, спускаясь на штрек. Затем приподнялся на цыпочки и быстро сосчитал вагоны: - Пять! - и широко улыбнулся.

Мы зашагали к стволу шахты. Мимо прошел на большой скорости электровоз с груженым составом. Красный свет на последнем вагоне вскоре скрылся за поворотом. Только поблескивали бесконечные рельсовые нити, освещенные электрическим светом.

Неожиданно впереди показалось что-то темное.

- Кажется, вагонетка! Одна?

Груженная вагонетка неподвижно стояла на рельсах.

- Наша руда! Вот раззявы! Наверное сцепка порвалась на ходу.

Александр стал изо всех сил подталкивать вагон. По уклону рельсовых путей вагон катился легко и лишь на закруглениях и стрелочных переводах нам приходилось сильно нажимать на него. Оставить вагонетку Александр ни за что не соглашался.

Теперь для меня понятно, почему всегда перевыполняет задание та смена, в которой насыпает Александр Большаков.

М О И Г Е Р О И

Наши шахтерские горизонты - не дали неоглядные, не широкие степные просторы. Это - подземная глубина. И если мы, шахтеры, спускаемся на горизонт какого-либо метра - значит, мы ступаем на землю историческую, древнюю.

Спускается нас в шахту очень много. И ежедневно.

Пока едем в клетки, пока идем от шахтного ствола, кажется, нас не счесть. А через несколько минут попробуй, пройдишь по штрекам всего горизонта - почти никого не встретишь. Бригады заняли свои места. Все разошлись по забоям.

Славные люди в бригаде Василия Стороженко, в бригаде, борющейся за звание коллектива коммунистического труда. Все члены бригады учатся, повышают свою квалификацию.

Я не буду говорить обо всех, а расскажу лишь о тех, кого хорошо знаю, с кем вместе работаю. Это Костя Пьянцев и бригадир Василий.

Два разных характера у этих людей. Спокойным кажется Костя Пьянцев во время работы. Но это только кажется: просто нет беспорядочности в его движениях, все четко, точно и ловко. Быстрым в работе выглядит Василий Стороженко. Он сильно нажимает на бурильный молоток, когда бурит. Он вообще сильно спешит, когда работает. Он готов увеличить скорость вращения машины. Увы! Это невозможно.

Василий и Костя работают без курток, в одних брюках и майках. Не потому, что в забое жарко, нет, в забое даже прохладно, - они так горячо работают!

Я присматриваюсь к их лицам и ничего особенного не нахожу в них. А раньше мне казалось, что на лицах таких людей должен быть написан какой-то особенный трудовой порыв, их

лица должны как-то по-своему светиться. Но ничего этого нет. Только блестит кожа от проступившего пота и на скуластых, чуть припорошенных рудной пылью лицах и на крепких бугристых мышцах рук.

В забое очень светло. Работа кипит.

Два разных человека, два разных характера. Костя Пьянцев - стройный, кареглазый, молодой. Дома у него хорошая, дружная семья. У него дочь и сын. А кого из родителей больше любят дети? Конечно, мать. Но Костю детинки не отпускают от себя ни на минуту, когда он приходит с работы. Они на время забывают даже о матери.

Ласковый отец. И на работе черты сердечности заметит каждый, кто трудится с ним рядом. Костя Пьянцев - хороший товарищ, хороший напарник. Он не откажется помочь всем, кто в этом нуждается.

Василий Стороженко - светло-русый, голубоглазый. Василий подтянут, строг. Ни одного лишнего, ненужного слова, ни одного лишнего, необдуманного движения.

Уважаю таких людей. Да, очевидно, и все таких уважают. На таких можно положиться, как на самого себя: не подведут, не оставят в беде, поделаются последним.

Недавно у нас на четвертом участке, где работает бригада Василия Стороженко, поломался выпускной лок в девяносто первом блоке. Из этого блока шла основная руда: здесь работали три бригады.

Работали во вторую смену. Горного плотника на смене не было. Не было ни гвоздей, ни топора у лесодоставщиков, которые занимались погрузкой руды. Как быть? Обратились к Василию Стороженко и Косте Пьянцеву. И они не отказали в помощи. Они сделали лок, на время оставив даже свои срочную работу в забое. Сделали лок не за деньги - это им в

наряд не входит - а так. Нужно - значит сделали. И смена в тот день, как и в другие дни, перевыполнила план.

Два разных характера, но оба идут по одному пути - по самому правильному, по самому человечному.

Вы спросите: а где же герои? Присмотритесь. Я их нашел. А сколько еще у меня на примете таких, как Василий и Костя!

1960.

К О Р О Т К И Е Р А С С К А З Ы

М о л о д о й с п е ц и а л и с т

Ты, молодой человек, ещё не инженер, если у тебя диплом в кармане, но нет ничего за душой. Диплом - это путёвка в дорогу, это начало пути, на который ты вступил. И пройди ты его прямо, твёрдо, пройди ты так для начала хоть маленькую часть этого огромного пути, присмотришься к жизни, присмотришься к людям, пойми ты их, оцени благородные поступки и осуди ложь, неискренность, несамостоятельность. Борись за самого себя как человека и за людей, руководить которыми тебе доверила Родина, Партия. Уводи их, людей своих, к свету, если падает на них тень, и не бросай на них тень, если они светлы, если они озарены солнечными лучами. Только тогда ты сможешь стать инженером.

П р о т и в в е т р а

В саду бушевал холодный ветер. Он налетал на ряды тополей и клёнов, но они стояли стройно, не сгибаясь, упорствуя. Только одинокая берёза, росшая в отдалении, качалась во все стороны, гнулась, била земные поклонны. Но свирепый ветер был к ней безжалостен...

Всё-таки один в поле не воин.

Н ы н е ш н е й в е с н о й

Шёл я через сад горняков. На распутившихся почках лежал снег, выпавший, очевидно, несколько минут тому назад. Бессильный холод пытался затормозить расцвет деревьев, задержать приход весны, но было ясно, что его усилия напрасны, рано или поздно весна возьмёт своё. Чувствуется, близится тепло!

Не так ли бессильны людишки "холодной войны"? Они могут попридержать "весну" человечества, но остановить её никак не могут.

Р О Д И Н Н Е М Е С Т А

Эх, родные, знакомые и много раз искоженные места! Сколько ступали по вашим кочкам и тропкам босые мальчишечьи ноги. И нет, наверное, здесь ни одной стёжки, по которой не прошёл бы хоть разочек. Ощущается до сих пор, как мягкая прибрежная трава ласкает огрубевшие за лето ноги.

Идёшь, бывало, по лугу - и на каждой тропинке, на каждой дорожке своя ласка, своя краса, свой запах и свои неповторимые узоры. Напрасно кажется иным, что луга и леса - одинаковые вокруг. Нет, все они очень даже непохожие. Ой, какие они разные, эти зелёные травяные луга да камышовые озёра. Разные, как люди. Одни ласковые и добрые, а другие подставляют колючки, которые трудно заметить с первого взгляда.

Д е р е в о и л и с т о ч е к

Падали жёлтые листья, отжившие свой век, отслужившие свою службу. Раньше, весной и летом, листья сверкали зелёной красотой, блистали переполненные соками. Они брали эти соки у веток, у ствола, у корней. А взамен им отдавали живительные вещества воздуха. Листья с пользой служили дереву.

Не так ли человек служит обществу? Он, как листочек, живёт и украшает дерево жизни.

Михаил ГАВРИЛИН

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ГАВРИЛИН родился в небольшой деревушке под Тулой в 1934 году.

В 1951 году окончил Алухтинскую семилетнюю школу и уехал в Москву, где работал слесарем-монтажником на строительстве высотных домов.

В 1954 - 55 г.г. участвовал в освоении целинных и залежных земель в Кустанайской области Казахской ССР.

18 апреля 1954 года в Кустанайской областной газете "Сталинский путь" было напечатано первое стихотворение "Мой долг".

1955 - 59 г.г. - служба в рядах ВМФ, а затем - Дегтярский медный рудник.

Стихи публиковались во многих районных, областных, а также военных газетах.

О П О Э З И И

Вам приходилось когда-нибудь
Прикуривать на ветру,
Когда спичка за спичкой гаснет,
Не замигая напроси?

А вы читали когда-нибудь
Стихи свои в гуще народа?
Скажите правду,

вам задавали

После чтения стихов вопросы?

А может молчаньем унылым

Публика вас провожала со сцены?

Было такое?

Конечно же было.

Ведь слушали вас безучастные стены.

Значит, напрасно вы торопливо

Строчили по белому черным.

И людям спешили прочесть своё чтиво,

Напрасно спешили.

Бесспорно.

Если стих тронет сердца людские,

Если вас массы признают поэтом,

Обязательно будут пытливые взгляды

И вопросов рывзак

с огромным прищепом.

Хороший стих не сгорит бесследно,

Не погаснет как спичка

от ветра случайного.

Хороший стих - это пламя будущего

Дела народа

и его чаянья.

БАЛЛАДА ОВ ОТЦЕ И СИНЕ

Битва за город славы
у берега русской реки,
Расплавленного металла
Летящие куски...

Вздвигалась земля родная.
Секла канонада эфир.
Бой.

На переднем крае
В воронку упал командир.
В крови задыхаясь лишкой,
Лежал под огнем комбат.
На помощь явился Прибытков -
Советский простой солдат.
Но тут же упал, подкошен,
К земле плотнее прирос...
Назад с дорогом ношей
Он, смерть побеждая, полз.
Полз, раненный в обе ноги,
По телу горячий разлив...
К госпиталю по дороге,
Час спустя, их вместе везли.

х х х

Отгремела война. Шли годы.
Рос у Прибыткова сын.
Крепкий, отцовской породы
Рос и мужал гражданин.
Суровой и прочной дружбой
Вязались его пути.

Но вот незаметно на службу
Время настало идти.
Герой сталинградских сражений
Напутствие сыну дает, -
Обычай такой поколений
В народе моем не умрет.
"Люби, сынок, командира,
Честно служить - твой долг.
Во имя свободы и мира
Мы много прошли дорог.
И ты, как бы ни был далеко,
Запомни:

В любом крае
Береги, как зеницу ока,
Землю родную свою".

х х х

Уехал Прибытков-младший,
Остался Прибытков-отец.
О службе синовней дальше
Узнал из письма кузнец:
"Дорогой Митрофан Прибытков!
Спасибо за сына Вам".
Силой кузнец от избытка
Играет, не веря словам.
А дальше - запрыгали строчки.
Не отрывая глаз,
Прочел до последней точки:
"Ваш сын офицера спас".
Ничего приписка скупо
В кузнечный врывается звон:
"За благородный поступок
Отпуском сын поощрен!"

В руках молоток-игрушка;
Рад за такую весть,
Спешит Митрофан к старушке -
Письмо командира прочесть...

х х х

Минули дни ожиданий.
Семья собралась за столом.
Никто возражать не станет
Встрече родных с моряком.
Ради такого случая
Знает старушка-мать
Что нужно вместо чая
Сегодня к столу подать.
Рады приезду матроса
Товарищи детских лет,
Сынят вопрос за вопросом...

- Здравствуй, Прибытков!

- Привет!

Сидели у крайней хаты,
Все просят его -

расскажи

Про подвиг,

а тут и девчата -

Попробуй вот им откажи!
К тому же не знал он сразу,
Как и с чего начать.
Не приходилось ни разу
Ему так краснеть и молчать.
"Были штори, опрокинулась шивонка,
Особенного ничего..."

Стоял я тогда у рубки.
Помню, огнем обожгло
Кипящее бурное море...
Толкая спасательный круг,
Настиг лейтенанта я вскоре.
Помню, сказал он: "Спасибо",
И тихо добавил: "друг".

х х х

Так уж в народе ведется:
Во имя высоких идей
Неушная дружба куется,
Дружба советских людей.

1956.

О Т Д У Ш И

Стою на посту, тишина кругом,
Звёздное небо чисто...

Давно ли, покинув отцовский дом,
Пришел сюда утром мгlistым.

Давно ли сквозь дождик и летний зной
Суровой тропой неустанно
Со спутником верным - машиной стальной -
Шагал по стенам Казахстана.

Хочу от души вам сказать, земляки,
Живущие в светлом крае:

-Трудитесь спокойно, -

Мы, моряки,

Надёжно ваш труд охраняем!

ДВА ОТРЫВКА ИЗ ПОЭМЫ О ЦЕЛИНЕ

1.

Они вдвоём пришли сюда,
Директор и парторг.
У ног прибрежная гряда -
Ни тропок,

ни дорог.

Они вдвоём, да ветер злой,
Да грязный грузовик -
Пришли нехоженой тропой,
Степями,

напрямик...

Они вдвоём, да гладь воды,
Да несколько берёз...
Клубились вихри снежной мглы
И дым от папирос.

Они вдвоём, да степь кругом,
На сотни вёрст - аул...

Упал с берёвы снежный ком -
По поясу утонул.

Они вдвоём, да льдов затор,
Да первых уток крик...

Подслушал ветер разговор -
Унёс за Май-Балык.

Они вдвоём и кроме них
Здесь больше ни души...

Пронёсся ветер и утих,
Умолкли камыши.

И улыбнулось солнце им
Из-за лохматых туч...
Как милым сыновьям своим,
Послало щедрый луч...
Глядят с проталин коввыи,
Снег почернел, обмяк.
Летели гордо журавли,
Гусей летел косяк...
Летят сюда они не раз -
Хороших дни вестей...
Встречают их две пары глаз,
Как дорогих гостей.
То были вестники весны...
Весна.

Весна.

Весна.

В дали сливался звонкий крик
В сплошной весенний гам,
И бились воды Май-Балнк
В крутые берега...

- Вот здесь и будет

наш совхоз,

Наш городок степной!

Вот здесь!

Средь этих вот берёз!

Парторг взмахнул рукой.

- А там пшеничные поля,

Тут парк,

Тут стадион...

По-новому вздохнёт земля,

Земля наших времён.

Горят, Владимир, руки.

Ух!

Смотри, какой простор...

- Эх, Николай Михалыч, друг...

Какой, брат, разговор...

Директор медленно счищал

Грязь лишнюю с сапог.

- Скажи мне правду.

Ожидал

Всё это ты, парторг?

- Признаться, нет. Не ожидал.

Но в этом ли вопрос? -

Какой уж раз он доставал

Коробку папирос,

Какой уж раз крутил Казбек,

Пытаясь прикурить...

Какой уж раз за весь свой век

Парторг спешил так жить:

- Составим свой рабочий план,

Дела.

Дела нас ждут...

Тут полевой раскинем стан,

Заправочную тут...

- Люблю мечты твои, парторг,

Люблю за чистоту...

Мы с честью выполним свой долг

На боевом посту!

Давай-ка ставить "особняк"

Пока ещё светло...

Впервые, может быть, вот так

Беседа шла тепло.

Впервые, может быть, теперь,
"Перинов" шурша,
Ложились на одну постель,
Постель из камыша...
В палатку рвался гость степной,
Не знавший здесь преград, -
Всё тот же ветер снеговой,
Гулявший час назад...
Спустилась ночь,
Взошла луна,
Снег вновь застыл, окреп,
А на проталине видна
Палатка - штаб

"За хлеб".

Уснули богатырским сном,
Прикрывшись кто чем мог,
В стены нашедшие свой дом,
Директор и парторг.
И лишь о жизни возвещал
Плажок моей страны...
Вот что в те годы я узнал,
А позже сам всё испытал
При штурме целины...

2.

Едва лишь в окна брызнул свет,
Как постучали в комитет...
- Войдите!

Двери в кабинет
Открылись.

И вошла...

Нет, не вошла -

- она впорхнула -

Так только Машенька могла.

И отказавшись вежливо от стула,

Нам рассказала, что вчера,

Всю ночь в волнении провела -

Решила ехать, но пришла

Спросить совета...

На заявление мое

Легло ещё одно - её...

Вот так и встретились впервые

Мы в серых стенах комитета.

...Я с интересом наблюдал

За этой девушкой тогда...

Она ждала.

И Женя встал -

Наш секретарь вставал всегда,

Когда хотел сказать что-либо. -

Совет он добрый Маше дал:

Всё разъяснил,

Всё рассказал,

Упомянул причём о том,

Что трудно будет с первых дней,

Вдали от близких Вам людей.

Да и морозы там сильнее -

Дом и Сибирь,

Сибирь и дом...

Подумай...

В ответ она сказала твёрдо,

И даже...

Даже чуть-чуть гордо:

- Бояться ль нам зимы суровой?

Я еду!

Я на всё готова!

Я - штукатур, но если надо

Топор возьму,

На трактор сяду...

Не славы в том хочу краю -

Я Родину люблю свою.

Сибирь...

Палатки...

Да! Не рай!

Пока не рай!

Но я должна быть там,

В степи!

Туда идут наши пути!

Там и призвание найти

Хочу свое!

Любое дело дай!..

Он перебил,

Он задрожал,

Он крепко руку ей пожал:

- Я бы тебя поцеловал -

Не дотянусь вот,

ростом мал...

Езжай...

Конечно...

Ты должна...

Ты очень, Маша, там нужна.

х

х

х

Уже окончены и сборы

И окна запахнулись в шторы;

Последний день прошел так скоро,
И разошлись друзья...

Уж полночь, а ты не спишь,

Прижавшись к матери сидишь

И ей тихонько говоришь:

- Не плачь,

хорошая моя,

Смотри, какая дочь твоя -

Большой и сильной стала я...

Зачем же грусть?

Твоя тревога?

Я не одна...

Нас едет много -

Раз комсомол туда пошел, -

Там будет так же хорошо.

На дочь свою взглянула мать -

Глаза у девочки блестят,

Невольно руки теребят

Пряди волос...

Широкоплеча и стройна,

И вся стоит озарена

Улыбкой нежной она

Под шёлком кос.

С высокой девичьей груди

На мать значок в упор глядит.

Пять светлых букв значком скреплёны,

Пять букв - отважных миллионы,

Пять букв - единая семья,

А с ними,

с ними дочь моя...

Порывисто с дивана встала
И Машеньку к груди прижала.
Уста слились.
Уже светало.
Крепчал предутренний мороз...

А дальше?...

Дальше путь недолгий -
От Подмосковья

через Волгу,

Через Урал.

Шагали в ногу

Сюда -

В новый совхоз...

Совхоз, который лишь на плане
Носил партторг тогда в кармане...

Но люди -

Вот он, наш народ!

Он жизни полон,

Не сдаст...

Хорошее начало есть,

А значит, быть совхозу здесь!

Теперь степей тех не узнать -

Весь край здесь стал иным.

И людям есть что показать,

И посмотреть самим.

А было-то:

Ковыль,

Камыш -

Не видел глуше дыр...

А по ночам такая тишь -
Хоть слушай целый мир.
Пройдёшь, бывало, по степи
И пять, и двадцать вёрст,
И всюду на твоём пути -
Ты одинок, как пёрст.
Ну что же...

Правильно вполне -

Безлюдье...

Тишина...

Поскольку ты на целине,

Должна быть целина.

Должна быть дичь...

- Позвольте, здесь?!

"Взгляните-ка сюда..."

- Ну, хорошо,

согласен,

есть.

А где же коз стада?

"Ну коз, брат, нет.

В горах они".

- В горах?

"В горах..."

- Так, так....

Давно заглялись уже огни,

Наши, целинные огни.

Плотней сгущался мрак...

Давно луна над головой

Рассыпала горох.

Пора бы спать,
но я домой
уйти тогда не мог.
Уж очень вечер был хорош!
Как утренний рассвет!
Такой вот в жизни раз вдохнёшь
и хватит на сто лет.

Иду...

Не выдернуть ноги
из мягкой пахоты...
Вдруг чьи-то лёгкие шаги
и голос:

- Миша, ты?

Она?

"Она..."

- Ты здесь один?

"Один".

- И я одна...

"Гуляешь?"

- Нет. Иду с работы...

Темно-то как...

Миш, проводи...

"Тебя?"

- Ну да, меня. Не хочешь?

"Что ты..."

Готов хоть на край света".

- Так далеко?

Зачем?..

Меня до дома...

Какая всё же Маша эта...

"До дома, так идём до дома".

Шли не спеша,
Молчали оба...
В моей руке - её рука.
Как чувствовал?
Не так уж чтобы...
Но задевал за облака -
Правда, одним плечом пока.

Она с улыбкой озорной
Смотрела на меня.
Порой,
Встречая блеск любимых глаз -
Присущий только ей одной -
Смущался я.

Я был не раз
Тем взглядом покорён...
Мне говорили, что увяз,
Что безнадежно я влюблён,
Что Маша любит, но другого -
Более разговорчивого, -
А ты сказать не можешь слова...
Мне не хотелось слушать их -
Суровых сверстников моих...

Любил я Машу всей душой
И ждал от неё большой
Любви ответной.
И вот теперь, словно в бреду,
Я рядом с девушкой иду -
Мечтой заветной...

Чтоб молчаливым мне не слыть,
Решил я тайну ей открыть.

Но пока думал, как начать,
Над степью стало уж светать.
Луна собрала весь горох...
Я обнял Машеньку,

как мог,

Привлёк к груди,

Поцеловал

И, заглянув в глаза, сказал...

Сказал, чем жил я целый год.

Вот.....

НА ВОСТОК

Едет Тоня
В вагоне,
Путь лежит на восток.
А у створок окошка
Шторку рвёт ветерок.
Расшнуровывает,
Ласкает
Пряди пышных волос.
Только Тоня тревожит
Очень важный вопрос:
Как там, что там
В том крае
Ожидает её?
Глаза - уголь сверкают,
Будто солнце встаёт..
Ты в мечтаньях, исканьях
Наша правильный путь.
Так шагай же смелее.
Пусть ничто повернуть
Тебя, Тоня, не сможет -
Создай и дерзай,
Пусть тебя не тревожит
Наш приветливый край...
Я не скрою -
Тобой
Мой гордится народ -
И спасибо героям
Наше русское плёт.

У Ч Ё Т Ч И Ц А

Идёт, идёт учётица
Дорожкой полевой -
На плечи шелком стелется
Платочек голубой.
Играют ветры вольные
В тугой её косе,
А ноги загорелые
купаются в росе.
В ресницах длинных прячется
Луч солнца золотой -
Идёт, идёт учётица
Дорожкой полевой.
Пред нею преклоняются
Весенние цветы.
Ей парни улыбаются
Еще за полверсты.
Лезат пшеничным колосом.
Две кисточки бровей,
Из глаз на волю просится
Янтарный свет лучей.
Кружит отважный перепел
У ней над головой...
Идёт, идёт учётица
Дорожкой полевой.
Туда, где чёрным бархатом
Раскинулись поля.
Льбуется красавицей
Вечерняя заря.

Пойду я в степь широкую,
Цветов там наберу, -
Цветы любимой девушке
В знак дружбы подарю.
Совсем ты незнакомая
Вдруг стала нам родной -
Идет, идет учетчица
Дорожкой полевой.

Э П И Г Р А М М Ы

К л я з н и к

Клязник он! И давно всем знакомо,
Что и кому он поставит в вину...
...Клязник пишет донос на жену,
Если жена отлучилась из дома.

П у с т о м е л я

Он выставлял всем напоказ
Свое большое "Я",
А сам давно во лжи увяз,
Добро, хоть ложь своя.

Б а х в а л

Высокомерность Индюка
Была настолько велика,
Что, явно уходя ко дну,
Храбрился он:
- Не утон-у-у-у...

Л И С А И Ё Ж

Б а с н я

- Послушай, Ёж,
Ты будешь так хорош,
Когда иголки острижешь.
Поверь мне, голубок, поверь!
- Ну, что ж, Лиса,
Я тоже зверь,
И я тебе поверю,
Понимаешь! -
Когда ты у врача зубного
Побываешь.

1959.

ВЕСЕННЕЕ

Пугал нас март метелями,
Грозился злыми стужами,
А встретил с крыш капелями
И на дорогах лужами.

ДЕГТЯРСКИЕ ПРИШЕВКИ

Хорошо в погожий вечер
Нашей улицей бродить.
Невозможно жить в Дегтярске
И Дегтярска не любить.

Нам наносятся визиты,
Эх, официальные!
Приезжают гости к нам
На шахты капитальные.

Мы давно в своей работе
Изменили тактику -
На земле и под землёй
Внедряем автоматiku.

Семимильными шагами
Наш народ идёт вперёд.
Мы гордимся, что Дегтярск
От других не отстаёт.

х х
х

При луне да под луной
Ходят, бродят парочки.
Наши парни хороши,
Им под стать уралочки.

Городское ателье
Шьёт костюмы модные,
Шьёт костюмы модные
За цены очень сходные.

Растёт город молодой
Не по дням, а по часам.
Строят ОКС дома большие,
Хоть и с горем пополам.

На копре звезда большая
Нас подчас в глаза корит -
Далеко видать звезду,
Лишь когда она горит.

Есть у нас артель "Вперед",
Всё она в ремонт берёт.
Отнесли мы радиолу -
Ремонтировали год.

В магазинах "Хозтовары"
Продаются самовары,
Телогрейки, сапоги -
Лишь не купишь утюги
/ электрические/.

Разрешите за внимание
Вас, друзья, благодарить.
Пожелать в труде успехов,
Крепче город свой любить.

М О Е М У С О В Р Е М Е Н Н И К У

Моя земля омыта кровью,
Полита потом трудовым...
Не потому ль её с любовью
В сердцах своих мы свято чтим?

Моя земля - пути-дороги
Отважных подвигов, побед...
Нам так близки твои тревоги
За будущность грядущих лет.

Не потому ли в дни сражений,
Вставая грудью за тебя,
В боях не знали поражений,
А умирали -

так любя.

Любя до слёз твой запах сладкий,
Простор полей, течение рек,
Дворцы твой, дома и хатки -
Всё то, что создал человек...

Идёт вперёд страна Советов,
Велик и горд её народ.
И видят люди всего света,
Как крепнем мы из года в год.

И восхищаясь, ненароком
Глядят на спутников Земли.
Кто их забросил так высоко?
Чьи руки их изобрели?..

Кто создал самый мирный в мире
Крылатый славный самолёт?
Лети, лети ТУ - 104
В свой дальнорейсовый полёт...

Шагай, шагай, народ-строитель,
Народ-творец родной земли,
Ты тайн небесных покоритель,
Твои там ходят корабли.

Ты напоил водой пустыни,
Дал хлеб целинный,
строил ГЭС...

И мы ещё не знаем ныне,
Какое чудо из чудес -
Ума и рук своих творенье
Подарить миру наперёд.

Держки твои изобретенья,
Родной,

талантливый

народ!

1960.

У П Р Ё К

Ты вечно чем-то занята:
То шьёшь, то варишь, то стираешь.
И как бегут, бегут года
В той суете не замечаешь.

Не хмурься, не сердись... Постой!
Ведь я ценю твоё старанье,
Я так хотел бы быть плитой,
Чтоб заслужить столько внимания.

- Плитой тебе не надо быть, -
Жена мне тихо отвечала, -
Ты бы плитку ту растопить
Помог жене своей сначала.

Помог воды мне принести,
Помыть на кухне миски, ложки,
Помог бы в хате подмести,
Прибраться в комнате немножко.

Плитой тебе не надо быть,
Но за подобное старанье
Ты мог бы снова заслужить
Моё сердечное внимание.

ГОРНЯЦКАЯ ПЕСНЯ

1. На большой глубине под землёю,
Где порода, как сталь, крепка,
Мы с тобой открывали забои,
Проходили штрека.
В любых трудностях, в деле любом
Унывать не умели.
Пробиваясь вперёд с каждым днём,
Под шум перфораторов пели:

Мы смелы

и горды,

В своем слове тверды,

Если надо - сквозь землю пройдем.

Ведь не зря на-гора

Первосортной руды

Миллионами тонн выдаём.

2. Спецдежду на нас разъедало...

Заливала подчас вода...

Но в бой отступать не пристало

Горняку никогда.

Так природу в суровой борьбе

Мы не раз покоряли.

Добиваться победы в труде

Товарищи нам помогали.

П р и п е в.

3. И, как прежде, на смену шагая,
Вгрызаемся смело в руду.
Это мы на конре зажигаем
Трудовую звезду.
Всё громче звучит под землёю
Песни напев боевой.
Репортует стране из забоя
Край горняцкий
Урал наш родной.

П р и п е в.

1960.

Д О Р О Г И

Ведут нас вдаль дороги разные -
Большое множество дорог.
Дороги чистые и грязные,
Порой буквально непролазные,
Где не ступал ничей сапог.
Дороги шумные, обжитые.
По ним всегда легко шагать.
Но больше помнятся разбитые,
Сухим валежником прошитые,
Где каждый метр с боем брать.
Такие нам дорожке кажутся.
Нам их с годами не забыть.
Всё, что мозолями не скажется,
Непрочно как-то с жизнью вяжется.
Дороги есть за что любить.
Лекат, широкие и узкие,
В две дальнобойных колеи.
И не какие-то французские,
А наши, бесконечно русские,
Путеводители мои.

1960.

ЗУФАР

МУХАМЕТОВ

Н Е М Н О Г О О С Е Б Е

Почему я желаю быть литератором?

Иногда друзья задают мне этот нескромный многозначительный вопрос.

В самом деле, что заставило меня, — деревенского паренька, сына крестьянина, встать на путь литературы? Может быть то, что я с малолетства увлекался чтением художественных книг. Читал без разбора и свою национальную и русскую литературу. За большими томами ночи просиживал напролёт, а утром, надев через плечо матерчатую сумочку, которую мать сшила из своей старой юбки, шёл в школу. Любил рассказывать сказки собственного сочинения.

Бесспорно, всё это сыграло какую-то роль в оформлении моих литературных интересов, но основной силой, заставлявшей меня выбрать путь литературы, была сама жизнь. Жизнь и творчество советских людей, умеющих показать героизм и мужество во всех уголках страны. Это о них я хотел рассказать. И я начал писать. Сначала писал газетные заметки, а потом перешёл к художественным произведениям. Первый мой рассказ печатался в армейской газете, это было сырое, недоработанное произведение, но оно принесло автору большую радость. Мои рассказы в этом сборнике переведены с татарского языка, так как я пишу на родном языке и, возможно, перевод удался не всегда. Печатаюсь я с 1957 года.

Родился я в 1934 году. Родители мои — колхозники. В настоящее время работаю скреперистом на шахте Капитальная — 2.

С Е Р Д Ц Е М А Т Е Р И
Р а с с к а з

"Здравствуй, мамочка! Это уже мое пятое письмо. Хоть новостей нет, все равно решила написать. Уж очень тоскливо на душе. Тяжело проводить долгие зимние вечера в одиночестве.

Все еще не могу привыкнуть к сельской молодежи: грубые здесь люди. Сами просят меня принять участие в концерте, а если согласилась, то не выполняют желания: заставляют меня петь под гитарку. Если бы играли на рояле, я бы и пела, и плясала. Разве я виновата, что у них нет рояля? Сейчас на меня начали косо поглядывать. - Если бы вы были настоящим советским специалистом, то на культурно-просветительную работу не смотрели бы сквозь пальцы, - сказал мне один из них на комсомольском собрании. Не разбираясь в сути дела, тут хватаются за критику. Не лучше ли сидеть поэтому вечерами дома, чем быть среди них?

Часто я хожу в кино. Но и тут не получишь большого удовольствия: картины идут старые, аппарат плохой... Все-таки деревня она и есть деревня. Здесь все не так, как у нас; мама. У нас ведь захочешь - идишь в кинотеатр или Дом культуры, куда твоей душе угодно. А как весело проходили у нас вечера!

Ах, мама, почему я не с тобой? Уж очень соскучилась.

Если б было близко, ездила бы домой. А здесь сейчас даже невозможно подумать об этом: далеко до железной дороги. Машины, правда, ходят, но ведь зимой опасно ездить на них. До лета не придется побывать дома. До свидания, мама. Твоя дочь Зифа".

- Дела ее неважные, - подумала Галия-ана, прочитав письмо дочери. - Очень плохо, что не умеет общаться с людьми, не завоевала доверия.

Она вскрыла второй конверт. / Галия-ана больше месяца лежала в больнице, поэтому писем накопилось много./

"Мама, неужели ты забыла обо мне? Почему молчишь? С нетерпением от тебя жду ответа, - такими словами начиналось письмо. - Знаю, что ты часто болеешь. Ко мне в медпункт приходит немало пожилых женщин. Как посмотрю на них, так вспоминаю тебя, мамочка. Они рассказывают о своих дочках, которые учатся далеко от дома, о сыновьях - солдатах. С ними мне не скучно, но как только уйдут и я останусь одна в этих четырех стенах, то не знаю, куда себя деть.

Если бы не обязывали гражданский долг и комсомольский билет, дня не прожила бы в этой дыре".

Третье и четвертое письма были не лучше. Они принесли матери немало горестных раздумий. Хотя Зифа и писала патристические слова о гражданском долге, Галия-ана, которая немало пережила на своем веку, поняла, что дочь недолго протерпит в деревне.

Галия-ана села за стол, написала первое слово "доченька" и отложила карандаш. Мать в первый раз за свою жизнь не знала, какой же совет дать дочери, которая, как видно, не сумела найти своего места в жизни. Первое, самое нежное, материнское, поворило: "Пусть едет домой, устроится здесь на работу, и я не буду одна". Но другое, более сильное, отгоняло первое: "Нет, как бы ни было тяжело, Зифа должна работать там. А сколько их будет впереди... Сама я не искала легких путей. И радость встречала и горе".

Свой жизненный путь Галия-ана начала в деревне, учительницей. Заочная учеба, активное участие в укреплении колхоза, борьба за культуру в деревне. Прошли годы. Галия вышла замуж, стала матерью троих детей. Но счастливые дни длились недолго. С Отечественной войны не вернулся муж. Старший сын во время уборки по неосторожности попал под трактор. Все это оставило в ее душе неизгладимые раны. Но мать не падала духом, не сдавалась. Она всю теплоту своей души отдала двум оставшимся в живых детям. Сейчас ее младший сын - офицер Советской армии. Зифа окончила

технику, получила специальность фельдшера, но все еще не может стать на правильную дорогу.

- Неужели я воспитала тебя такой безвольной, дочка, - прошептала мать и смахнула крупные слезы. - Нет, Зифа не должна приехать.

Мать снова взялась за карандаш:

- А поймет ли ее дочь? Письма... А скажет ли она ей все, что хочет.

Галия-ана опять отложила карандаш...

В эту ночь она не написала ни строки. У ней начала болеть голова. Почувствовав себя совершенно больной, Галия-ана потушила свет, но долго не могла уснуть.

...Перед ее взором встал образ Зифы. Вот она в белом халате идет по снежной степи. Встречный ветер рвет полы халата, треплет косынку. Почему же она без шали? Проваливаясь по пояс в снег, Зифа идет по степи, нет она не может идти. Протянув вперед руки, она просит помощи и зовет:

- Мама; мама! Спаси...

Галия-ана проснулась от испуга. Сердце ее билось неровно. У матери было такое чувство, что сейчас откроется дверь и на пороге появится дочь.

Галия-ана выглянула во двор, но было пустынно. - Поеду, сама поеду к ней, - решила мать.

А через два дня старый ЗИС вез ее от железнодорожной станции в заснеженную деревню. К дочери, к Зифе.

Авторизованный перевод с татарского.

СИЛА КОЛЛЕКТИВА

Р а с с к а з

После комсомольского собрания Леон Петляков долго не мог успокоиться. В груди все горело. Он злился не только на Костина, но и на Сальникова, которого Костин предлагал вылучить в личную команду. Его, Петлякова, отличника боевой и политической подготовки, лучшего лыжника роты, критиковали... И за что? Ну, если не нравится ему Сальников, если не верит он в его спортивные способности, тогда что?

Особенно беспокоили слова командира отделения сержанта Костина. Он обвинял его в зависти, эгоизме. Ну, если бы между собой, еще было бы простительно. Но ведь на собрании присутствовал командир роты. И при командире Костин критиковал его, своего друга! Ставил в пример Сальникова.

"Навязывает в команду этого карлика Сальникова, - рассуждал про себя Петляков, шагая по казарме. - Если отличник, то это еще не значит - хороший лыжник. Третий разряд имеет. А ходит-то как? Черепаха - и та обгонит. Только команду опозорить с ним. Неужели Костин не понимает этого? Просто хочет принять в команду своего земляка".

Как ни старался Петляков, а успокоиться долго не мог. Разные мысли лезли в голову. Спокойные, уверенные слова Костина, казалось, преследовали его. "Петляков недооценивает коллектив, не уважает своих товарищей... Как эгоист, болеет лишь за себя, не хочет помочь другим... Нет, товарищ Петляков! Знайте, - вы победитель лишь тогда, когда победителями окажутся и ваши товарищи..."

"А может быть, Костин все же прав?" - на миг пронеслось в голове Петлякова. Но оскорбленное самолюбие не позволило ему подумать над этим.

Не зная, чем заняться, он пошёл в комнату политико-просветительной работы. Здесь его и разыскал Костин.

- Рядовой Петляков, давно вас ищу... В увольнение все готовы. Ждем вас, собирайтесь.

Обычно в таких случаях Костин обращался не по званию, а просто по имени. Поэтому сейчас Петляков подумал, что Костин все это делает нарочно, подчеркивает, что он командир.

Подтянутость, ремень с блестящей пряжкой, стрелки на бровях, ярко начищенные сапоги Костина - все это сейчас показалось Петлякову каким-то искусственным. Он сделал вид, что не слышит сержанта.

Костин положил ему на плечо руку.

- Идем, Леон. Наташа, наверное, уже ждет.

Петляков недоуменно посмотрел в глаза Костину.

- Смеешься?

Нет, глаза Костина были серьезными, насмешки в них не было.

- Зря обижаешься. Я тебя как друга критиковал. Подумай, сам поймешь.

Петляков опустил глаза и, ничего не ответив, вышел за Костиным.

Образ Наташи придал сил. Леон быстро переоделся, надел сапоги, пуговицы. Однако на душе было как-то нехорошо. Выйдя из городка, он отделился от товарищей. Хотелось побыть одному. Воздух освежал, постепенно плохое настроение проходило. По лестнице Леон поднимался с какой-то необыкновенной поспешностью. Радость встречи с Наташей вдруг наполнила сердце. Целую неделю ждал Петляков этого дня. Вот она, долгожданная суббота! Каких только ласковых слов не придумал он за эту неделю для девушки! Сейчас, прямо посмотрев ей в глаза, он все скажет. Скажет, что без нее скучает, что на душе становится светло и радостно, когда он думает о ней...

Но, входя в танцевальный зал, Петляков в недоумении остановился. Он не верил своим глазам: Наташа танцевала с Костиным. Не зная, что предпринять, Леон застыл возле дверей, наблюдая за ними. Широкая спина Костина и клетчатая юбка Наташи то и дело мелькали в толпе танцующих. Со счастливой улыбкой на лице Наташа легко кружилась с сержантом.

"Вот оно в чем дело? Теперь ясно, почему Костин к нему так придирался".

Петляков сжал кулаки и, повернувшись, пошел к раздевалке. "Так вот почему Костин первым записал его в увольнение. Захотел опозорить при людях. Показать, что Наташа любит его, Костина", - натягивая шинель, думал Петляков и невольно поглядывал в танцевальный зал. Его тянуло туда. В это время Наташа и Костин вышли в коридор. Увидев Леона, Наташа протянула ему руку с очаровательной улыбкой на лице, которую он так любил.

Не подав руки, злобно хлопнув дверью, Леон бегом пустился по лестнице. Хотелось бежать куда-нибудь, подальше от людей.

Было холодно, но Леон не почувствовал этого. Горькая обидка згла сердце. "Вот почему Костин настаивал включить в команду Сальникова. Хочет ослабить ее и опозорить его перед Наташей. Хороша и Наташа! Не дождавись его, пошла танцевать с Костиным".

Вспомнилось Леону знакомство с девушкой. Был солнечный, но морозный декабрьский день. Леон со своей командой вышел на лыжную тренировку. Он быстро опередил своих товарищей и шел, не сбавляя скорости. Дышалось легко. Белые березы, опущенные снегом, стояли словно украшенные. Неожиданно впереди между деревьями мелькнула красная шапочка. На лыжах шла девушка. Леон догнал ее и пошел рядом. Они познакомились. Не знали Наташей. Студентка второго курса педагогического института. Позже, встречаясь с ней на лыжных тренировках, Леон полюбил Наташу. Она отвечала ему взаимностью. Леон верил ей. И вдруг уйти с другом?

Ему даже в голову не приходила мысль о том, что Наташа танцевала с Костиным, как со знакомым, а ждала его, Леона.

х
х х

Выезжая из леса, Петляков оглянулся. Далеко позади остались товарищи. И только Сальников, обогнав многих, уверенно догонял Леона.

- Нет, не догонишь!

Мобилизовав свои силы, Леон рванулся вперед, сразу намного оторвавшись от Сальникова. Пройдена половина пути. Осталось пять-шесть километров. Поднимаясь, Леон опять оглянулся. На этот раз Сальников отстал. У Петлякова сразу как-то отлегло от сердца.

Сальников пришел в лыжную команду, когда тренировки были в самом разгаре. И несмотря на замечания товарищей, высказанные на комсомольском собрании, Леон встретил Сальникова недоброжелательно. Однако тренировки показали, что Сальников - отличный лыжник, во всех пробегах он выделялся среди многих и почти не отставал от Петлякова. И часто, следя за его ходьбой, Леон, забывшись, от души радовался хорошему лыжнику. Но внешне оставался с ним по-прежнему натянут. Отдавать первенство он не хотел.

...Только вырвавшись вперед, Леон пошел спокойнее. Скоро финиш. Вспомнилась Наташа. Конечно, она на финише. И какой-то комочек подкатился к горлу.

Донесшиеся звуки оркестра как будто вдохнули в Леона новые силы. Петлякову захотелось пролететь стрелой мимо музыкантов, мимо зрителей. Весь подтянувшись, он сделал сильный рывок. Спусти несколько секунд финишная лента потянулась за Леоном, вторым концом задевая Сальникова. Увидев рядом Сальникова, Леон как-то растерялся и не мог сразу сообразить, кто же победитель. Но вот его обступают сослуживцы, пожимают руки,

поздравляют. И радость наполнила сердце. Сквозь людскую стену он увидел Наташу. Она была в своем лыжном костюме, в той же красной шапочке и кому-то махала рукой.

"Кому же она машет? Костину? Нет, Костина поблизости нет..."

А Наташа уже подходила к Леону.

- Поздравляю с победой, Леон! Молодцы ваши ребята, хорошо шли! И еще хочу сказать, что ты напрасно на меня сердисься. - Голубые глаза Наташи улыбались, но Леон прочел в них обиду и грусть. Не отпуская ее маленькой руки, Леон долго смотрел ей прямо в глаза, она их не отводила.

х
х х

Соревнования закончились. Перед строем стояли победители. В числе первых были Петляков, Сальников, Костин.

Командир сообщил, что лыжная команда подразделения вышла на первое место и объявил лучшим лыжникам благодарность.

Радости Леона не было границ. Маленький, щупленький Сальников, казалось, вырос, окреп. Подходя к Леону, он крепко пожал ему руку.

- Спасибо, Леон. Ты учишь меня ходить на лыжах. Я всегда шел, равняясь на тебя, старался не отставать.

Петлякову самому хотелось позвать ему руку за то, что именно он, Сальников, помог ему занять первое место. Не отставая от него, он подгонял, заставлял Леона увеличивать скорость. Хотелось извиниться и перед Костиним. Полную радость ощущаешь только тогда, когда к твоей победе присоединяется и победа твоих товарищей. Только сейчас со всей глубиной Петляков осознавал это. Он готов был сказать: спасибо, товарищи!

В город возвращались дружной четверкой. Вместе с Петляковым, Костиним и Сальниковым шла Наташа.

НАЧАЛЬНИК СМЕНИ

Большие электрические часы, висевшие у шахтного копра, показывали начало четвертого часа. Но короткий декабрьский день клонился уже к вечеру. Холодные лучи далекого солнца слабо отразились на маленьких окошках проходной галереи.

Горняки шли со смены. В брезентовых спецодеждах, измазанные рудной пылью, но с довольными улыбками на лицах. Я дождался вьезда из шахты начальника передовой смены пятого участка Владимира Васильевича Горбачева, которого на Второй Капитальной знают также как хорошего агитатора.

Коллектив смены, руководимой Горбачевым, долгое время находился в числе "средних", с большими усилиями выполняя план. И вдруг, как бы под действием какой-то тайной силы, он сдвинулся со своего "постоянного" места и на удивление многим, прочно занял место среди передовых.

Горбачев, крепкого телосложения, коренастый человек лет тридцати шел среди рабочих смены и рассказывал что-то интересное. Его ясноголубые глаза сияли неудержимой радостью. Можно было и без слов понять, что сменный план опять перевыполнен.

- Лицо человека - зеркало его души, гласит народная мудрость, - сказал я, здороваясь с Горбачевым. - Опять на сто шестьдесят махнули?

- Убавьте! Сегодня чуть ниже. Вот им няньки не хватает, а сами не могут. - Хитро моргнув ребятам, Владимир Васильевич что-то хотел было добавить, но тут послышалось: "сдавайте аккумулятор".

- Замечательные ребята, - отзывался Горбачев о рабочих сменщи, когда после горячего душа мы не спеша шли по городской

улице. - Насчет нянек-то я так, в шутку, - сказал он, как бы оправдываясь за необдуманное слово, когда мы подошли к большому трехэтажному дому, где жил Горбачев. - И сегодня ведь тебе выше ста пятидесяти выдали... Куда вы? Заходите, заходите, - затормозился он, увидев, что я собираюсь уходить. - Сегодня у меня свободный день.

Дверь открыла белокурая девочка лет девяти, очень похожая на отца.

- Паночка, я принесла две четверки, - начала она тут же докладывать отцу. А тот, довольный, взял ее на руки, поцеловал и, посмотрев дневник, похвалил.

- Спасибо, Лорочка! Она у меня уже взрослая. Во втором классе...

В дверях показалась хозяйка с сыном.

Женя меня зовут, - сказал крепкий лет шести, знакомый со мной. - Как вырасту, стану Евгением... - И он тут же забрался на шею отцу.

В разговоре Любовь Ивановна между делом пожаловалась на мужа, что он редко бывает дома.

- То учеба, то собрания... Всегда занят. Хоть бы агитаторскую работу оставил что ли? Дома одни да одни...

Она говорила, но в тоне не чувствовалось никакой обиды. А глаза так и подводили ее, как бы говоря: "Понимаю... Все нужно... Но ведь я женщина... Мать".

Владимир Васильевич не оправдывался, а только улыбался доброй, широкой улыбкой.

- Сегодня, Люба, во Дворец ходим.

Любовь Ивановна в ответ только рукой махнула.

- А ведь она права... Иной раз в кино сходить времени не нахожу. В обрез... Раньше не довелось учиться. А догонять то, что заброшено с детства, трудновато, конечно. - И Владимир Ва-

Скляевич рассказал свою короткую биографию.

- Родился я в деревне, в Калужской области, - начал он. - Жили хорошо. Но фашистское нападение опрокинуло жизнь нашей семьи. Отец погиб на фронте. Мать умерла. Проглотил ее фашистский "рай". Нас, ребят, осталось семеро и все мал-мала меньше. Не до учебы было. Да фашисты и не собирались нас обучать. Как мы жили при них? Не хочется даже вспоминать. Спасибо Советской власти. Поставила всех на ноги.

После окончания железнодорожного училища работал в Белоруссии, в Иванове, а с 1948 года - в Дегтярске. Сначала слесарь. Заметили. Отправили в Свердловск на краткосрочные курсы горных мастеров. Был начальником смены, помощником начальника участка. Как видите, опять начальник смены...

Бывало так. Работашь - вроде ничего, а возьмешься за что-либо серьезное и чувствуешь нехватку знаний. А в школу рабочей молодежи вроде бы неудобно, ведь "начальник".

Идти я должен был в седьмой класс. Заставили, и спасибо, что вовремя. Хотя был тогда и беспартийным, вызвали в партком и вежливо предложили учиться, да не забывать и о рабочих смене. А там работала молодежь, но ни один не учился. Пришлось подумывать, да хорошенько... Сейчас трое учатся в седьмом классе, Борис Панасюк - в девятом. Двое имеют законченное среднее. И сам пошел учиться. Иначе вот заканчиваю четвертый курс техникума.

Разговор зашел и о том, как смена смогла вырваться из числа "средних", в чем тут "секрет".

- Хорошо ребята работают. Вот и вся "тайна". Чего им добились? В смене у нас существует неписанный закон, не выполнив плана, не выезжать из шахты. - Горбачев чуть заметно улыбнулся. - Плюс ко всему ликвидировали "ведомственные преграды".

- В одной смене и ведомственность?

- В забойных бригадах работа и прежде была налажена хорошо. Сейчас у нас пока камерная выработка. Работают скреписты. Так они, например, не хотели браться за лес и лопату. И лесодоставщики не помогали им. Это мешало, даже очень мешало выполнению плана. Спрокинули, разбили эту невидимую стену между рабочими разных специальностей, и дело пошло на лад, работа стала дружной. А результаты... Ну о них сам знаешь!

- Дружба - она великая сила, - закончил свой рассказ Владимир Васильевич.

1960.

У Х А Б Н А П У Т И

Р а с с к а з

Весь день лил холодный осенний дождь. На старой, давненько не отремонтированной, шоссе лежала грязь, а местами чернели большие лужи. Машину выкинуло, бросало из стороны в сторону. Но она, подчиняясь воле шофёра Идриса Танирова, разбрасывая грязь, упорно двигалась вперёд. А на возвышенных местах даже набирала скорость. Тогда в карих глазах Идриса появлялись весёлые искорки. Шофёр шутил. Смеялся над "небесной канцелярией".

- Лей, сколько тебе хочется, - говорил он то ли всерьёз, то ли в шутку, обращаясь к дождю. - Теперь-то нас не запугаешь.

Я не совсем понимал его. До райцентра, куда мы едем, оставались ещё десятки километров. И подъём вот-вот должен смениться спуском. А там опять ухабы, лужи, грязь, зигзагообразная езда. Вроде бы и нет причины радоваться.

- Не рано ли торжествуете, парень? И ветер усиливается. Да и здешние дороги... Сами видите какие...

Как будто подтверждавая верность моих доводов, машина снова захлестнула в очередную лужу и засела. Попытки шофёра вывести её без посторонней помощи не увенчались успехом. Оба взялись за лопаты.

Машину вывели. Но на нас не было уже сухого места. Вода стекала с рукавов и пол пиджаков. Не выдержав всё это мытарство, я помянул районных руководителей и дорожный отдел недружелюбными словами. Идрис же не обращал внимания на мой гнев. Смотрел равнодушно, словно это его не касалось.

- Пустяки, обсохнем, - сказал он после.

- Если не ошибаюсь, впереди деревня Елгабаш. Переночуем.

Не довезая до места назначения, провести ночь где-то в пути, не было смысла для нас. Завтрашним днём должны были вернуться на завод. Приказ директора обязывал к этому.

Я парня напомнил о приказе.

Хитро моргнув мне, как бы говоря "ишь какой торопливый", он лишь отмахнулся левой рукой, как от надоедливой мухи.

- Уедем с зарёй. Успеем. Чёрт знает, куда сможем доехать. Целый день впереди. Не нарушится твой приказ.

- Едва ли. Шансов мало. Стоило бы поторопиться.

- Да что вы?

Идрис с удивлением повёл плечами. Лицо его в один миг стало серьёзным.

- В Елгабаше живёт друг-однополчанин. Три года с одного котелка хлебали солдатскую порцию. Приехал к ним, да не заехать... Ха... Удивили вы меня, просто удивили... После демобилизации уже два года, как не встречались. Не заехать... Кабир не простит мне этого. Обсушимся. Чайку горячего попьём. Культурненько отдохнём...

Видя твёрдое решение парня, я не стал спорить с ним. Честно говоря, самому захотелось посидеть в тёплой избушке возле самовара. Рубаха прилипла к телу. Холод пробирал.

Скоро наш "ЗИС" ехал по улице Елгабаша. Идрис хорошо помнил адрес друга, и мы, долго не размысливая, остановились перед большими воротами. Ворота оказались заперты изнутри. На стук Идриса во дворе злобно залаяла собака. Зашумели гуси. Спустилась некоторое время послышался грозный голос хозяина:

- Кого там чёрт принёс?

- Не кого, а Идриса... Кабир, здравствуй!

С грохотом открылись засовы ворот. Перед нами стоял, как пенёк, короткий, толстый человек, закутанный в прорезиненный

плеч. На его кривых ногах были старые головки резиновых сапог, лишенные голенищ. Друзья, забыв обо мне, долго трясли друг друга. Потом пошли вопросы. Кто, где и кем работает. Как живёт. И тому подобное.

Узнав, что Кабир до сих пор не женат, живёт один в этом большом доме, Идрис похлопал его по плечу.

- Опаздываешь, дружище, опаздываешь... А ведь у меня уже доченька... Римочка...

Счастливым отец не поленился показать даже рост дочери.

А после выяснилось, что Кабир работает в дорожном отделе мастером. Тут Идрис с удивлением несколько раз подряд пожал плечами.

- Я-то считал тебя лесником. Вон сколько лесу у тебя.

Идрис правой рукой обвёл весь двор, заваленный разносортным лесом.

Стояли штабеля теса, стройматериалов, поленницы дров выше двухметрового глухого забора, чем отгородили себя Кабир от внешнего мира.

- Да ты чуть помещиком не сделался. Красиво живёшь, браток... За два года столько накопили... Построили пятистенный дом...сарай...

Лицо Идриса менялось на глазах. Он нахмурил брови, прищурил большие глаза.

- И дороги наши были бы такими же красивыми...

На губах Идриса появилась чуть заметная улыбка, но трудно было угадать, улыбается ли он, радуясь сверхъаждичной жизни друга или же смеётся над его жадностью. По-видимому, Кабир понял последнее.

- Перехватил через край, - говорил он в свое оправдание. - Помещик... Да ты что, Идрис? Обыкновенная деревенская жизнь... Жизнь-то... Ведь она сложная штука... Не лапти плести... Жить надо. Раз живёшь, нужны и куры, и гуси. От коров и свиней тоже не от-

капешся. Я считаю, что за стаканом молока бегать по соседям
тоже... Здесь ничего плохого, Идрис. Всё добыто собственным
трудом. Так сказать, в поте лица. Иногда забиваешь даже от-
дохнуть. За всем нужен хозяйский глаз. Ша-ша... Вот бестолко-
вне. Нашли место, где прятаться.

Облегчённо вздохнув, Кабир взялся отгонять кур, спрятавших-
ся от дождя под штабелями досок. Видя, что куры его не слуша-
ют, махнул рукой и, жалуясь на озорство соседских мальчишек,
велел машину завести во двор. Всякое может случиться... Ох,
эти мальчишки! Остерегаться их надо: любую гайку выкрутят.

У хозяина чуть заметно дрожал голос. Чем-то он был недо-
волен. И Идрис заметил эту перемену в Кабуре. Он стоял в раз-
думье, как будто решал какую-то важную задачу. Потом, махнув
на всё рукой, сказал: "Отворите ворота".

Идрис развернул машину и задним ходом заехал во двор. Я
пошёл закрывать ворота и не заметил, каким образом машина за-
давила одну из куриц. Когда я подошёл к ним, Кабир держал в
руках мёртвую курицу, а губы его шептали что-то невнятное. В
глубоко сидящих глазах ярко отразилась жалость к курице и
обида. Чуть заметно дрожали руки.

- Давали четвертную... Дурак. Не продал. Пожалел. Да жа-
леть-то стоило. Замечательная курица была. Леггорн порода.
Несла не меньше двухсот яиц в год.

И хозяин со злобой пнул яичный желток, валяющийся под
ногами. Идрис расширенными глазами смотрел на всё это.
Кажется, он не узнавал своего бывшего друга-однополчанина.

Лицо шофёра принимало недоумённое выражение. Потом, как
бы очнувшись, он торопливо полез в кабину.

- Двести яиц в год... - вырвалось у меня нечаянно.

Этого было достаточно Кабуре, и он сразу же подхватил мои
слова.

- Не курица, - сказал он, - а денежный мешочек. Доходная птица. Эх, Идрис! Надо же смотреть!.. Деньги мои...

Недосказав последнюю фразу, Кабир резко повернулся и направился к штабелям досок и, положив мёртвую курицу, как бы повёл по ней рукой.

- Неужели плачет? - думал я, глядя на него сзади. Но прищуренные глаза хозяина были сухие. В них стояла злоба.

Сказав сквозь зубы "заходите", Кабир направился к крыльцу.

Нет, как бы я ни замёрз, заходить в дом этого человека, променявшего бывшую большую дружбу на несчастную курицу, у меня отпало желание. На душе стало отвратительно. Не зная, как поступить, я повернулся к Идрису.

Как быть?

Достав из-под сиденья бумажник, Идрис вынул двадцатипятирублёвку и, постучав в окно, взвёл хозяина. Как только тот появился на крыльце, шофёр сунул ему деньги, и сказав "за курицу", резко повернулся и почти бегом направился к машине.

- Покупай курицу какой хочешь породы. Поехали... - сказал он мне. - Доедем до райцентра. Прощай, Кабир... Отремонтируй свои ухабы...

х х х

Кабир опомнился лишь тогда, когда "ЗИС", оставив за собой сизый дымок, выехал на улицу. Хозяин даже забыв свои сапожные головки, побежал за машиной. Но было поздно. Машина ехала по большой дороге.

Юрий

НОСОВ

Родился я в городе Свердловске, на Урале, в 1933 году. В 1936 уехал вместе с родителями в северный Казахстан. Там и учился в Пресновской средней школе. После войны переехал снова на Урал, в город Дегтярск.

В 1949 - 51 г.г. учился в Ревдинском ремесленном училище № 7. Окончил по специальности машинист экскаватора. В 1954 году по путёвке комсомола выехал на целинные земли в Оренбургскую область, где за трудовую деятельность награжден медалью "За освоение целинных земель". Вскоре ушел в армию. Служил под Москвой и на Дальнем Востоке. После службы вновь вернулся в Дегтярск, где и работаю на Известковом карьере машинистом экскаватора.

К Р А Й Р О Д Н О Й

В разноцветье оделись горы -
Снег и зелень. Морозец вн.
А берёз и рябин уборы
Словно сотни багряных лун.

Пляшет мелкий снежок - утеха
Для влюблённой в снежки детворы.
Меж ветвей - заревое эхо -
Красногрудые снегири.

А внизу глубоко вадыхает
Грудью шахт, сетью дальних путей,
Новый город уральского края,
Весь в заботах, в сиянье огней.

Он из тех, что на вызов броский
Не плакотно, не просто так,
Отвечает силой роста,
Как Москва или Ленинград.

Синих сумерек тонкие волны,
Незаметно клубясь, растут.
Мирный город, идущий в полночь,
Светлым стал. Это сделал труд!

ЛЮБИМОЙ

Ну, как тебя я не заметил
В начале лета, в дни цветенья,
Когда певучих чувств кипенье
Плескалось ветром на рассвете.

Сейчас дожди уныло бродят
И я ловлю себя на том,
Что ты мне кажешься цветком
Среди повянувшей природы.

Воспоминанья прошлых дней
Во мне зажгли одно желание -
Хранить любви большой сиянье
Для нас самих и для людей.

Так пусть ничто не затемняет
Тех чувств, что счастьем мы зовём.
Дай руку, девушка родная,
И ми с тобой к весне пойдём.

1958.

НОЧЬ В ДЕГТЯРСКОМ

Заката розового краски
Поблекли прямо на виду.
Горят созвездья над Дегтярском,
Трепещут яблони в саду.

И шепчет сонная речонка
Своей несмелою волной,
Да комариный голос тонкий
Дрожит натянутой струной.

Да звуки вальса оживленно,
Непринужденно и легко
Навстречу девушкам влюбленным
Плывут из Сада Горняков.

Теплеет купол небосвода,
Дыханьем города согрет.
И рвется к звездам с мехзавода
Электросварки синий свет.

Полночный ветер тих и ласков,
В душе мелодия звенит
Про трудовую жизнь Дегтярска
И про шахтерские огни.

НАШИМ ЖЕНЩИНАМ

Ещё не раз стихи напишут
О наших жёнах и невестах,
О матерях, что сердцем слышат
И боль и радость делят вместе.

О том, как зимними ночами,
Склонясь над детской колыбелью,
Они руками нас качали
И песни детские нам пели.

Они дают для взлёта крылья
И силой мужества нас поят,
Чтоб выше всех и дальше плыли
Сквозь пламя лет, в стране героев.

Так слава сердца и красоту их!
Мы все от самого рожденья
Любовь их чувствуем большую
Сильней земного притяженья.

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

Светлые полосы

Вершины деревьев, раскачиваемые ветром, шумят. Внизу бродят тени. Они, как искусная вышивка на льняном полотенце. Вверху луна. На снегу светлые полосы. Даже в самне, казалось бы, недоступные места проникают ниточки-лучи. И поэтому светлых пятен и полос несомненно больше, чем теней.

Светлого и в природе и в человеке всегда больше, чем тёмного, плохого.

Звёздочка

Её видно за многие километры. Горит она, родная, младшая сестрёнка кремлёвской звезды, над копром шахты.

Спешит ли прохожий по улице нового соцгорода, идёт ли со стороны лесозавода, он неизменно бросает взгляд на лучистую звёздочку, и она ему служит как бы путеводным маяком. Ничто не в силах затмить её свет. Обрушиваются ли на неё снежные бураны, льют ли хлёсткие осенние дожди или дуют свирепые жгучие ветры - всё равно её ничем не потушить, потому что она зажжена и напоена силой и волей многих и многих мужественных рук.

Горделиво сияет она на груди копра, словно жаркий комсомольский значок на груди молодого горняка, а под землей среди каменных громад идёт бой человека с природой за яркий блеск красной звёздочки, за мирный непотухающий свет далёких её собратьев в космосе, за счастье всех людей.

Р О Д И Н Е

Моя любовь к тебе, Россия,
Не в наснех сказанных словах.
Она горит незримой силой
В чуть-чуть прищуренных глазах.

Она крови движеньем правит,
Вливает сталь в мои шаги.
Она в походе песней плавит
Седую ненависть пурги.

И если вдруг мне трудно станет,
И нечем будет мне дышать,
Она не только не оставит -
Поможет мне подняться, встать.

Моя великая Россия,
Твоим дыханьем я живу.
Весь шар земной исколесил я
Тебя роднее не найду.

И если долг святой солдата,
Случится, к доту приведёт,
Я сердце брошу, как гранату,
И за тебя и за народ.

М О Л О Д О Ж Ё Н А М

Смолк звон стаканов. Чуть светает,
Метёт за окнами буран.
Последней песни звук растаял -
Ушли все гости по домам.

Теперь вдвоём, и ваши судьбы,
Как два ручья в один слились.
И в поцелуе жарком губы
На верность в жизни поклялись.

Какой пойдёте вы дорогой:
Широкой - к счастью и весне
Или тропинкой немногих
От мира где-то в стороне?

А счастье ведь не за порогом,
Перешагнули - и рядом цель.
Порой душевные тревоги
Взвихрят колючих слов метель.

Придут минуты нежеланья
Друг другу в чём-то уступить,
И тяжесть гордого молчанья
Придётся горько пережить.

Всё это будет. Смех и радость,
И слёзы первые женя,
Сомненья, ссоры и усталость
Порой придушат глаз огни.

Но вспомнив жаркий спор гармоник
За длинным свадебным столом,
Вы улыбнитесь, взяв в ладони
Мечту о будущем, родном.

Я вам желаю много счастья,
В любви - горенье до конца,
В делах - горячее участие
И вность вечную в сердцах.

1958.

В Е Ч Е Р О М

День устал. Склонившись к горизонту,
Солнце шлёт улыбку в тишину.
Тело тучки, словно яркий зонтик,
Краем зацепилось за сосну.

И во всей природе - ни пылинки,
Сердце рвётся птицей в высоту...
В сером камне, в трепетной былинке
Человек находит красоту.

1958.

* * *

Идут недели без возврата,
Меня только облик свой.
Скажи, не ты ли виновата,
Что я сегодня не с тобой?

Когда пошла романской в лето,
Махнув мне тонкою рукой,
Мне показалось - песня спета,
Что начата была тобой.

Поверить трудно в расставанье,
Я так привык к твоим глазам,
Но понимаю: испытанье
Дано судьбой на время нам.

И не теряя чувств надежды,
Я весь по-прежнему горю.
При встрече я тебе, как прежде,
Отдам и сердце, и зарю...

Свяжу из звёзд я полшалок:
Они лучисты и нежны.
Дождусь во что бы то ни стало
Прихода праздничной весны.

Весною снова зелень обрызнет,
Наполнит мир весь до краёв...
Разделим вместе радость жизни,
С неповторимостью её.

Василий

МЕЛЬНИКОВ

ВАСИЛИЙ ПАВЛОВИЧ МЕЛЬНИКОВ -
рабочий Дегтярского механического завода.
Его стихотворения были опубликованы в
газетах "За большую Дегтярку" и "Ревдин-
ский рабочий".

МОЙ КРАЙ РОДНОЙ

Мой край родной,

тебя люблю я

за красоту лесов и гор.

Весной, летом ли любувсь

на твой причудливый узор.

Я здесь рождён,

мне всё родное,

Лука с некошеной травой

и это небо голубое,

чья высь раскрылась надо мной.

Меж гор, полей и пашен

ласкают взор стволы берёз.

Мой край богаче стал и краше,

вдали раскинулся колхоз.

Вокруг волнуется, как море,

пшеницы колос налитой.

Почти на самом косогоре

плодовый сад шумит листвою.

Колхоза моего вот эти нивы,

его и трактора гудят.

к реке склонились низко нивы -

места свиданья дорогих девчат.

А за горой, где рос бурьян, осока

и, говорят, водились бобры,

поднялись ныне вверх высоко

стальные шахтные копры.

Шагают по полям ряды
 столбов-укосин,
Состав с рудой уходит вдаль.
"Спе-шим ту-да, - стучат колёса, -
Где днём и ночью шавят сталь".

Урал родной, тебя люблю я
За красоту лесов и гор.
Весною, летом ли люблюсь
На твой причудливый узор.

1958.

ШАХТЁРЫ

Все, как один. Хлопцы, что надо!

Им гордится Родина-мать.

Смотрю, как шагает шахтёров бригада

С рудой сражаться, руду добывать.

Я им желаю попутного ветра,

Быть стойкими, крепкими, словно гранит.

Пусть встречная сбойка последнего метра

Всех членов бригады сильнее сроднит.

Минуты, часы соразмерены строго.

Вгрызаясь бурами в руды монолит,

Там, под землёй, строят счастья дорогу,

Как Партия скажет, как сердце велит.

Идут к опрокиду с рудой вагонетки,

Мчатся по штрекам к стволу поезда.

Дали сверх плана в фонд семилетки

Шахтёры частицу своего труда.

Пусть освещает им в жизни счастливой

Дороги-пути Первомая звезда

Пусть алое знамя над Родиной милой

Реет победно в веках, навсегда!

КАЧКАНАР

Поначалу поставив палатки
И костры разложив на ветру,
Как солдаты, готовились к схватке
Комсомольцы с тайгой поутру.

Залужжали, зашели здесь пилы,
Застучали кругом топоры.

И тайга отошла, отступила
От скалистой зубчатой горы.

Для меня почему-то он дорог,
И влюблен я в него всей душой.

Качканар - это будущий город,

Молодежный, уютный, большой!

1960.

АЛЕКСАНДР

НЕЧАЕВ

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ НЕЧАЕВ - рабочий
Дегтярского медного рудника. Свой труд на шахте Ка-
питальная - 2 в бригаде, борющейся за звание брига-
ды коммунистического труда сочетает с учебой и ра-
ботой в газетах. Еще будучи в рядах Советской армии
опубликовал в армейской печати ряд зарисовок, репор-
тажей и публицистических статей, в чем проявился его
вкус к газетной работе.

РАЗГОВОР В КАБИНЕ

Во время обслуживания самолётов к нам в кабину автомобиля сел капитан Волошин. Завязался разговор о службе, о том, что нам в этом году покидать армию. И как-то незаметно разговорились о морально-боевых качествах война. Младший сержант Привалов рассказал, как к ним на шахту прибил офицер запаса.

- Просто было удивительно, откуда у него бралось столько упорства и настойчивости трудиться в забое, где никто не соглашался работать, считая его непроходимым, заваленным. А пройти его нужно было. И шахтёр прошёл. Сказать, что он руководствовался целью заработка, нельзя: там, наоборот, заработок был ниже, чем в других забоях. Значит, не деньги им руководили, а что? - обращаясь к капитану Волошину, закончил Привалов.

Капитан Волошин улыбнулся:

- Упорство, говорите, у него было? Это не глупое упорство, а выработанная армейскими условиями черта характера советского офицера / и не только офицера! / - не отступать перед трудностями. Вы вот сказали, что заработок у него был ниже, чем в другом забое. В этом-то и сила, ценность наших людей, что ими руководят не деньги, а сознание своего долга.

- Да вы бы посмотрели, что за забой - мученье, а не работа. На каждом шагу шахтёру грозила опасность, - возразил младший сержант Привалов.

- Э-э, мой друг, - положив руку на плечо сержанта, сказал капитан. - Откуда родом?

- С Брянщины.

- Помнишь наше отступление в начале войны?

- Помню. Сердце сжималось, когда смотрел на отступавшие, изуродованные войска. Но зато, когда наши танки ворвались в село, а головной с Красным знаменем, я плакал от радости, пока мать не затащила меня в хату, так как я босой стоял на снегу. Как сейчас вижу всё это...

Помолчали. Капитан Волошин, закуривая, снова заговорил:

- Я вот тоже вспомнил... - Вдруг он повернулся к Привалову и осведомился: - Вам сколько лет?

- Двадцать третий, товарищ капитан.

- Двадцать третий... А мне тогда и восемнадцати не было...

Больно было оставлять врагу родную землю. - Офицер сделал несколько глубоких затяжек и продолжал: - Удивительно, что никто не жадовался на трудности, люди всё отдавали для того, чтобы одержать победу.

Был я комсоргом роты. И вот, помню, комсомолец, такой молоденький паренёк, вернулся из разведки весь израненный, еле пришел к своим. В бою солдат лишился комсомольского билета: у него осколком весь перед гимнастёрки вырвало. Сразу и не заметил. И потом плакал от обиды, забыв про раны. И не лёг в госпиталь, а пошёл в следующую атаку и героически погиб. Вот и спрашивается, что руководило им? Великое сознание своего долга.

Смотрю я сейчас на вас - все условия созданы, чтобы вы честно служили Родине. А какая техника? - Волошин рукой показал на поднимающиеся в небо реактивные самолёты. - Замечательная техника.

- А были такие, что дисциплину нарушали? - спросил после паузы младший сержант Привалов.

- Нет, почти не было. А если и были, так из тысячи один. Таких быстро призывали к порядку. - Офицер подумал и добавил. -

- Армия сильна дисциплиной. Человек в армии проходит хорошую закалку, приобретает замечательные волевые качества. этой закалки на всю жизнь хватит. И у того офицера запаса, что спустился в шахту, обычная армейская закалка. Она-то и помогла справиться с трудностями, каких другой, возможно, и не одолел бы.

- Это верно, - взволнованно произнёс Привалов.

Капитан вылез из кабины и зашагал по аэродрому. В этот момент к Привалову подбежал солдат и передал приказание, чтобы машина подъехала к самолёту.

Продолжались полёты...

1.У.1959.

БЕСПОКОЙНЫЕ СЕРДЦА

Умельцы-авиаторы

Самолёты возвращаются с выполнения задания на свой аэродром. Непродолжительная стоянка, а затем опять в воздух. Ведь "противник" может появиться в любую минуту, и истребитель должен быть готов к вылету. Это понимают воины отделения электроспецоборудования.

У них особенно много забот: надо проверить аккумуляторы, спецприборы, электрооборудование и другое. Ответственная и сложная работа, но авиаторы во главе с командиром отделения младшим сержантом Жигайло не зря считаются отличниками. Много часов кряду трудятся рядовые Куликов, Ильин, Козинкин, Заворотняк без устали. От их зоркого глаза не скроется ни одна неисправность.

Самолёты, подготовленные умельцами-авиаторами, отлично подчиняются лётчикам, которые сегодня осуществили ряд успешных перехватов целей.

Двое суток кряду

Напряженно трудятся в эти дни воины отделения младшего сержанта Филинского. Командир перед боевыми занятиями провёл с подчинёнными беседу.

- От качества нашей подготовки зависит поддержание связи с самолётами в воздухе, - сказал он.

- Подготовимся отлично! - выразил мнение всех присутствующих радиомеханик рядовой копейкин.

Момент взлёта истребителя в воздух отделение встретило в боевой готовности. Включена радиостанция. Слышатся сигналы и команды лётчику. Их записывает в аппаратный журнал рядовой

Копейкин. Ответственная у него работа, и комсомолец всегда это помнит, непрерывно повышает мастерство.

В наушниках одна за другой звучат команды. Усталость дает о себе знать. На смену солдату приходит радиомеханик рядовой Алиев, которого Копейкин обучал долгое время. Сейчас он работает не хуже своего старшего товарища.

Внимательно следит за двигателем комсомолец рядовой Войтович. Уже вторые сутки с небольшими перерывами безотказно работает радиостанция, обслуживаемая воинами-комсомольцами младшего сержанта Филиппского, отделение которого по праву занимает одно из первых мест в подразделении.

"Ф а р н п о г а с и т е !"

Тревога! Это властное слово придало бодрость комсомольцу Маркусь. В таких случаях его охватывает чувство высокой ответственности за порученное дело. Любит Маркусь свою специальность водителя кислородно-заправочной станции. Поэтому он всегда следит за ее исправностью, держит в боевой готовности.

Вот и на этот раз она его не подводит. На занятиях молодой солдат действует вместе с газификаторщиком-наполнителем комсомольцем Федиком, таким же молодым, как он сам, специалистом.

Боевых вылетов много, и только своевременная заправка самолётов качественным кислородом может обеспечить успех лётчиков. Работая в ночных условиях с полной светомаскировкой, рядовой Маркусь по привычке выключил фары. Ведь совсем незаметно, подумал он. На первый взгляд это небольшое нарушение, но в военной обстановке оно могло бы привести к демаскировке аэродрома.

Оплошность солдата привлекла внимание командира.

- Фары погасите! - приказывает он водителю.

Маркусь живо выполняет распоряжение, и на лице его вспыхивает яркокрасный румянец.

"Есть обороты!"

- Внимание! Обороты! - раздалась команда техника самолёта.

- Есть обороты! - четко доложили комсомолец Омелух и прибавив газ. Секунды, и двигатель самолёта зашуршит. Водитель быстро убирает кабель, отъезжает к следующему истребителю.

Солдат внимательно следит за командами, чтобы не опоздать с выпуском самолёта в воздух. Приходится трудновато, ведь к АПА-7 в эту ночь прикреплено несколько боевых машин.

Трудности усложняются и тем, что приходится работать в полной темноте. На занятиях светомаскировка имеет большое значение. Всё внимание обращено на приборы с их чуть колеблющимися стрелками. Агрегат Омелуха работает отлично. Но комсомолец беспокоится о работе своих товарищей: всё ли в порядке, не требуется ли кому помощь? Ведь он член комсомольского бюро подразделения, и действия сослуживцев его кровно интересуют.

В перерыве между полётами активист спешит посмотреть на боевой листок, где показан результат перехвата целей лётчиками.

Солдат с радостью сообщает специалистам о том, что и они своей скромной работой способствовали лётчикам отлично выполнить поставленные командиром задачи.

МИХАИЛ

МАЛЯРЕВСКИЙ

МИХАИЛ КОНСТАНТИНОВИЧ МАЛЯРЕВСКИЙ родился в 1902 году в Тюменской области. Больше 25 лет проработал в школах Урала. Недолго работал литконсультантом в Карагандинском отделении Союза писателей, в настоящее время - руководитель литературного кружка при библиотеке Дворца Культуры в г. Дегтярске.

ОДИН ВЕЧЕР УЧИТЕЛЯ
Отрывок из пьесы

ИЗМОДЕНОВ Анатолий Сергеевич, преподаватель ср. школы, 26 лет.

ГЛАЗЫРИН Федор Дмитриевич, препод. ср. школы, 42-43 лет.

ЧУСОВИТИН Юрий Афанасьевич, библиотекарь школы, 52 лет.

ЛУГОВЫХ Семен Васильевич, рабочий, 36 лет.

ВАСЯ Луговых

ВИТЯ Рясик

ПЕТИЯ Стафеев

КОСТЯ Расковалов ученики средней школы, 15 - 17 лет.

НАТАША Зубарева

СОНИЯ Сайфуллина

Осень 1953 года. Вечер. Комната Измоденова. Повсюду книги, приборы, у стены верстак. Печь-голландка топится. Настольная лампа освещает склоненную голову и руки Измоденова, выдвинутые ящики письменного стола. Очевидно, происходит очередная чистка: одни бумаги откладываются, другие рвутся и сжигаются. Входит Глазырин.

ГЛАЗЫРИН. Семь погод на дворе: сеет, веет, крутит, мутит, рвёт, сверху льёт, снизу метёт. /Скидывает дождевик/. Не был Луговых?

ИЗМОДЕНОВ. Не бывал.

ГЛАЗЫРИН. Зайдёт. Обсудим одно дело. /Наклоняется и поднимает с пола конверт/. Иршкины письма жжёшь? Правильно! В печку их!

ИЗМОДЕНОВ. Товарищ начальник проявляет чуткость.

ГЛАЗЫРИН./ подходит к столу/. Командир - отец солдата. Слышал? /Садится./ Эх, Анатолий, Анатолий! Горе ты мое луковое! Скажи спасибо, что разохлось у вас. Не посади себе на шею...

ИЗМОДЕНОВ. А ну притормози, механик! Красный сигнал!

ГЛАЗЫРИН. Ну, ну... Я ведь... В порядке обмена опытом. Взять нас

с Таньсей. Поженились по любви. Однако, впоследствии выяснилось, легкомысленно, жили не задумываясь, дом свой строили, да, видно, на песке. Война, пять лет разлуки... Развалилось всё.

ИЗМОДЕНОВ. Ну и что? Стосковался?

ГЛАЗЫРИН. Откровенно? Выпадает и тоскливенько, Тольша. А может и к лучшему, что разошлись: Чем с утра до вечера лаяться, обливать друг друга грязью, а ночью, в постели, шириться. Чтоб утром всё начать сизнова. /Стук в дверь/. Луговых пришёл. Да!

ЛУГОВЫХ /входит/. Ну и ноябрь! Доброго здоровья! Зябко, понимаешь!

ИЗМОДЕНОВ. Сейчас погреемся. Кипяточку сообразу. /Уходит с чайником/.

ЛУГОВЫХ. Жениться надо парню! Незатеяливо живёт, на холостом положении

ГЛАЗЫРИН. Не монах, не кастрат. Найдёт человека по сердцу - женится.

ЛУГОВЫХ. Знамо дело, за такого любая - с радостью. Такой - дорогой ценн человек. С Василием моим, с ребятами - достаётся ему. Разве не видно. Ему, поди, книжку охота почитать, отдохнуть просто... А тут с ними валацдайся... /Измоденов возвращается/. Приглядел я помещение для мастерской. Кочегар помог...

ИЗМОДЕНОВ. Кочегар? Наш Сидор Карпыч?

ЛУГОВЫХ. Он. На днях в разговоре спрашиваю: А что, дедушка Сидор, рядом с твоей котельной как будто подвал должен быть. - Есть! - А своди-ка меня, родной, покажи! - Он и повёл. Хламу там - мать честная! Грязнота. Картошку когда-то ссыпали, уборку сделать...

ИЗМОДЕНОВ. А годится? Пусть временно? Неужели не разрешат?

ЛУГОВЫХ. Кто его знает. Сухо... Окно, конечно, нет. Сидору я объяснил, отопление он наладит. Батарей и трубы у него припрятаны, с запасом живёт старик. Побелят родители, я уж из баб кой с кем посекретничал.

ИЗМОДЕНОВ. Хорошо! Будем добиваться. Фёдор Дмитриевич, ты к шефам пойдёшь... Уборку и проводку... Это ребята сами. Инструктора надо.

ЛУГОВЫХ. Есть на примете подходящий дядька. Пенсионер.

ГЛАЗЫРИН. Ставка-то слесаря у нас... Всего-ничего...

ИЗМОДЕНОВ. Найдём выход. Иду за чайником! /Уходит./

ГЛАЗЫРИН. Загорелся Анатолий. Теперь пока не добьётся- не успокоится.

ЛУГОВЫХ. Нет, так жить - не годится. Это что за штуковина?

ГЛАЗЫРИН. Магнитофон. Заменить бы им некоторых живых учителей!

ЛУГОВЫХ случайно приводит в действие механизм. Раздается голос.

ГОЛОС ЯГОДИНСКОЙ. Достижения нашей школы говорят сами за себя. Во-первых, нами сделана огромная работа по сплочению педагогического коллектива, во-вторых, осуществлена серия глубоко продуманных мероприятий по коммунистическому воспитанию учащихся, в-третьих, ликвидирован отсев учащихся, в-четвертых, укреплена материальная база политехнического обучения. Надо бы коснуться недоучётов, теневых сторон нашей работы, но к сожалению, придётся закруглиться. Мое время истекло, позвольте на этом закончить, товарищи.

Во время этой тирады сперва Луговых, а потом и Глазырин тщетно пытаются выключить магнитофон, в конце концов машут рукой и покоряются, лишь у Глазырина срывается сквозь зубы: "Ботало, право слово ботало!" и "Ведь врешь, всё врешь!" Измоденов входит в комнату, ставит чай на стол и, смеясь над бессильной яростью Глазырина, выключает аппарат.

ГЛАЗЫРИН. Фу, будь ты проклята! Даже и здесь от нее спасенья нет.

ЛУГОВЫХ. Ровно вашего директора голос?

ИЗМОДЕНОВ. Её, её. Пробная запись. А Митричу любо!

ГЛАЗЫРИН. Любо, любо! Давайте чай пить скорее. И тут не смогли ее

одолеть, Аяфису великую...врунь и непобедимую...хвастуны.

ИЗМОДЕНОВ. Не трать зря энергии, Митрич! Ещё из-за подвала воевать.

ЛУГОВЫХ. А ты где воевал, Митрич? Случаем, не на Первом Украинском?

ГЛАЗЫРИН. Сперва Волховский, а закончил на Химе.

С шумом, разговорами и смехом вторгается группа учащихся.

ГОЛОСА: Здравствуйте! - Добрый вечер! - Ох, хорошо как здесь! Тепло!

КОСТЯ. Анатолий Сергеевич! Разрешите вам доложить о победе неизвестного солдата: достали детали, приёмник сегодня соберём!

НАТАША. Анатолий Сергеевич! Можно ещё одной девочке ходить в кружок?

ИЗМОДЕНОВ. Решайте сами, принимаете её или нет. Кто такая?

НАТАША. Соня Сайфуллина. Двоек у неё нет. Вы как, ребята?

ВИТЯ. Соня - вышивальщица? А впрочем... Я не против...

ИЗМОДЕНОВ. Передайте ей, чтоб приходила в следующую среду.

НАТАША. Я пойду, скажу ей. Она на кухне сидит, дожидается...

ИЗМОДЕНОВ. Как на кухне? Вот это славно! /Выходит./

ВИТЯ. А? Что? Анатолий Сергеевич рассердился?

ГЛАЗЫРИН. Придёт - спроси!

ЛУГОВЫХ. Надо вам, ребята, другую комнату. В школе есть помещенке...

КОСТЯ. Мы с лета ходим. Привыкли. Какое помещение? /Отходят в сторону.

ИЗМОДЕНОВ / с Соней/. Это не мешает тебе помогать маме...

СОНЯ. А сегодня что мне делать?

ИЗМОДЕНОВ. Пока приглядывайся. Выберешь себе занятие по вкусу. Наташа!

ГЛАЗЫРИН. Рясик, Луговых, долго ждать?

ВИТЯ. Сейчас, сейчас. Заканчиваем!

ВАСЯ. Готово, Анатолий Сергеевич! Проверьте, пожалуйста!

Измоденов с Витей, Васей, Костей и Петей над приёмником.

НАТАША. А мы начали, Соня, к школьному вечеру готовиться. "Путешествие в ракету". Как люди будут летать туда... К звёздам! Это скоро будет!

ИЗМОДЕНОВ. Всё в порядке. А ну-ка! /Приёмник начинает работать./

ВИТЯ. Внимание, внимание! Раз, два, три! Огонь! Паля!

ВАСЯ. Не можешь... Клоун! Т-с-с!

ГОЛОС ДИКТОРА: "...Иметь постоянно растущую армию учёных и специалистов всех отраслей знания, чтобы безостановочно двигаться по пути технического прогресса и выиграть соревнование с капитализмом." Читал Мальгин. Через минуту слушайте Москву."

Общий вопль восторга и бурный "танец диких".

ВИТЯ. Слышали, Фёдор Дмитриевич? Слышали? Сейчас Москва будет!

ГЛАЗЫРИН. Слышал, Виктор, слышал. Поздравляю тебя. И всех, всех!

ЛУГОВЫХ. Молодцы! Добились!

ПЕТЯ. Прямо не верится, что мы сделали. Вот этими руками.

ИЗМОДЕНОВ. Приятное ощущение, Петя? Правда?

ВАСЯ. Теперь взяты бы за школьный радиоузел! А? Ребята!

ЛУГОВЫХ. Вы не разбрасывайтесь! Не хватайтесь за всё! В точку бейте!

ЛУГОВЫХ и Глазырин уходят, Измодепов их провожает. Свет потухает.

ВАСЯ. Ну, вот ещё нехватало!

СОНЯ. Ой! Как же мы?

ГОЛОС ИЗМОДЕНОВА. Что собственно случилось, ребята?

ВИТЯ. Пробка перегорела? Я слажу, мигом жучок поставлю.

ВАСЯ. /От окна./ Не суешься, Виктор! По всей улице свет погас. Авария.

ИЗМОДЕНОВ. Пойду позвоню. Обождите! /Уходит./

ВИТЯ. Дети, не нужно бояться темноты. В темноте развивается мужество и

ВАСЯ. Отойди от стола! Ещё смахнёшь приёмник на пол!

ВИТЯ. Есть отойти! /Открывает дверцу печки/. Ташкент! Сыда, робя! Садись!

ИЗМОДЕНОВ /входя/. Скоро дадут свет. Согласны ждать?

НАТАША. Подождём. /Подвигается./ В наш круг не желаете?

ИЗМОДЕНОВ /садится на пол/. Вот так же, бывало, мы с мамой сидели...

ВИТЯ. А она кто была? Ваша мама?

ИЗМОДЕНОВ. Она была учительницей. Сельской учительницей. Дров в голландку подбросит, кинет на пол тулуп. Сидим рядом в тёмном классе, в огонь смотрим. Дрова потрескивают, дребезжат тихонько дверочка. Мама сына приголубит и рассказывает, рассказывает, пока сын не заснёт тут же около неё...

ВИТЯ. Она сказки вам рассказывала? Да? Сказки?

КОСТИ. Да не прерывай ты, Виктор! Что за человек право!

ВИТЯ. Не буду, не буду больше.

ИЗМОДЕНОВ. И сказки, Витя. Рассказывала и сказки. А чаще вспоминала о своих встречах. О людях. Ведь она видела и слышала Ильича... Разговаривала с Горьким... Вся жизнь прожилась среди людей... Для людей. Школа у нас была скромная, маленькая, да и деревня... Да-

же по сибирским понятиям глушь. А бурливая, неуёмная, как речушка в половодье. Матери нравилась такая жизнь. Твёрдо знала, чья правда верх одержит.

КОСТЯ. Тяжёлая работа у педагога. Нервная. И особый талант нужен. ВИТЯ. Уж меня-то в педагоги и калачиком не заманишь.

ИЗМОДЕНОВ. Да? Мама говорила: профессия учителя - миллион огорчений и единственная радость.

НАТАША. Какая, Анатолий Сергеевич? Нет, не отвечайте, не отвечайте, я попробую сама. У меня мелькнуло, не знаю, сумею ли выразить. Вот у меня братик, Вовка, пошёл нынче в школу. Кто он, если разобратся? Цыплёнок, больше ничего. А ведь из него человек вырастёт. Разумный. Вот это радость! Был несмышлёныш, а через десять лет...

ИЗМОДЕНОВ. Советский человек, Наташа! Строитель нового мира! А ты почему так настроен, Витя? Против учительской профессии?

ВИТЯ. Цыплёночек, витри носик! Цыплёночек, сколько будет один да один? Два!? Ах, крошечка моя, как правильно! Какой ты вунный! Радость!

ВАСЯ. А ты, Вить, не бери за пример нашу "уговаривающую наставницу"!

КОСТЯ. А ты что, Василий, в учителя пойдёшь? Тоже ведь не пойдёшь?!

ИЗМОДЕНОВ. А ты, Костя? Кем собираешься быть?

КОСТЯ. Я? Посовети сказать, Анатолий Сергеевич, и сам не знаю.

Ведь не скоро ещё. То мне хочется быть конструктором каких-то невиданных машин, то зимовать на полюсе, то... поэтом. А однажды это продолжалось недели две... Мне ужасно хотелось стать мировым шахматистом.

ПЕТЯ. Это когда ты двойку схватил по алгебре?

КОСТЯ. Ага. Двойка меня и образумила. Не знаю. Честное слово, не знаю!

ИЗМОДЕНОВ. Рабочим не мечтаешь быть? Физический труд тебя отпугивает?

КОСТЯ. Рабочим? А вы, Анатолий Сергеевич? Лето всё работали на производстве, а вернулись в школу?... Вы не общайтесь... Не остались на заводе?..

СОНИ. Все на чистой работе, кто будет хлеб сеять? Что кушать будем? Не понимаю!

ВИТЯ. Эх ты! Хлеб сеять!.. Кушать!.. Будет так: трактор пашет. Сам пашет, один, понимаешь? Инженер сидит за десять километров в будочке... А может и в большом доме. Только кнопки нажимает... Понимаешь?

НАТАША. Папа нынче из Сочи приехал, рассказывал. Спросил там, в Сочи, у одного мальчишки, на кого он учится, кем хочет быть в жизни. А тот и ответил: отдыхающим. Папа сколько смеялся!

ИЗМОДЕНОВ. Одну минутку, мне хочется ответить Косте. Я вернулся в школу, когда проверил себя не раз и не два. Меня влечёт работа учителя. Я убедился: это мое призвание. Это на всю жизнь. А вообще-то я мечтаю, чтоб токарь после работы играл в оркестре, крановщица, допустим, в свободное время писала роман, а бухгалтер своими руками строил дом...

ПЕТЯ. Не скоро этого дождёшься!

ИЗМОДЕНОВ. Что ты, Петя! Это уже начинается. Это уже есть сегодня...

Вспыхивает свет, общий шум. Все встает и двигается по комнате.

ВИТЯ. А что, Анатолий Сергеевич, есть ещё неоткрытые законы в физике?

ИЗМОДЕНОВ. Боишься, не осталось на твою долю?!

Приёмник начинает работать. Музыка.

ВАСЯ. Тихе, ребята, Москва!

НАТАША. Ведь это "Вальс-фантазия" Глинки. Как хорошо!

КОСТЯ. Мы, Анатолий Сергеевич... На нас надейтесь... Мастерскую-то...

ВАСЯ. Понадобится, так в выходные... /Прибрав всё./ Доброй ночи!

ИЗМОДЕНОВ. Давайте, давайте, друзья! Поосторожнее: сегодня гололедица!

Ребята уходят. Измоденов берётся за книгу. Стук в дверь.

ИЗМОДЕНОВ. Кто бы это? Войдите! /Входит Чусовитин со связкой книг./

Проходите, сушитесь, грейтесь! Вы промокли насквозь!

ЧУСОВИТИН. Я с поезда. Вот книги запис... Для вас привёз...

ИЗМОДЕНОВ. Ландсберг? Уж так нужна. Как мне вас и благодарить, не знаю.

ЧУСОВИТИН. Эту из любопытства взял. Ругают очень.

ИЗМОДЕНОВ. Пейте чай. С вареньем. Киевская тётушка варила.

ЧУСОВИТИН. Благодарю. Черешни? Замечательно! Ну, как Василий Луговик?

ИЗМОДЕНОВ. Работает. Дружит с хорошими ребятами. Но иногда невозможен.

ЧУСОВИТИН. Взбрыкливый жеребёнок?

ИЗМОДЕНОВ. В университете я увлекался альпинизмом. Это ни с чем несравнимое ощущение... Как будто горная вершина вост: поднимись, возьми, покори!..

ЧУСОВИТИН. Скажите, Анатолий Сергеевич, почему вы боретесь за Василия, боретесь за дело своей жизни, превосходно боретесь... Завоевали тем нам дружбу, общее уважение... И так никудашно боретесь за свое счастье... Исключительно плохо! Глухо, извините за резкость! Горька правда, да не хочу потчевать конфеткой, вы не ребёнок...

ИЗМОДЕНОВ. Я стремился к человеческому счастью, а в зоологической борьбе, - покорно благодарю! - я не участник. В тарзани не годеи.

ЧУСОВИТИН. Вас ли я слышу, Анатолий Сергеевич!? Так узко видеть! Такая вздорная грубость! Да нет, вы клеветеете на себя. Или ошиблись вы: не любили вы?

ИЗМОДЕНОВ. Я любил и верил, что и она меня любит. Хотели ли вы пожениться, как ждали от нас окружающие? Несомненно! И вот настал день: ничем я не мог, понимаете, не мог помочь... Ни себе, ни ей... Пусть свободно изберёт: вместе или расстаться...

ЧУСОВИТИН. Вы ошиблись... Не понимаю... По-моему, вы крепко ошиблись. Такие оба хорошие... Из-за чего? Мы - друзья, нам не безразлично... Простите... Доброй ночи! -/Уходит./

ИЗМОДЕНОВ. А между тем как просто объяснение: не сошлись характерами. И все удивляются: ещё не поженились, а уж не сошлись характером!

ДРЕВНЯЯ ЛЕГЕНДА

...После создания множества великих и малых существ, Бадхра, бог рождения и смерти всего живого, и жена его сторукая Гэли замышляли вызвать из небытия подобного себе и нарекли его человеком. Да будет человек властелином земли и сокровищ ее! Покорителем четырех стихий будет он! Из железа и звездной пыли выковал Бадхра тело мужчины. Гэли изваяла тело женщины из мрамора. Бадхра вдохнул в мужчину неукротимость морской бури и стремительность потока, знойность и животворную силу солнца, щедрость полуденного ливня и бесконечность желаний, подобную необъятности бездонного неба. Для женского сердца взяла Гэли огненную лаву вулкана, женским глазам подарила красоту слепящих молний, щекам - румянец зари. Чистоту горного снега и изменчивость луны, ласковую мягкость ветерка и настойчивость долбящих камень капель отдала она женщине. Улыбкой превосходства обменялись божественные супруги, лелея каждый тайную мысль: я - победитель, мое творение - совершенство.

Вскоре, однако, омрачился лик Бадхри и страшно засверкали очи разгневанной богини. Ибо первая человеческая пара сгорала в огне наслаждения, то снующая тела в вихре ненасытной страсти, то изнемогая от пресыщения. Едва оторвав уста от чаши с медом, они уже ощущали горечь полыни на воспаленных губах. И сказал мудрейший Бадхра, взирая на их безумства: "Нехорошо им быть наедине. Только себя любят они, и удел их - смерть." Безмолвно согласилась Гэли. И боги даровали первой жене и первому мужу - дитя....

ДЕВИЧЬЯ ПЕСЕНКА

Стоит на крутояре колючая сосёнка,
По веткам хлещет ветер, внизу метёт позёмка,
Но к солнцу тянется сосна и солнце любит страстно.
Сияет солнце высоко. Любовь её прекрасна.
Любовь всегда прекрасна.

Линялая спецовка и в цементе юбочка,
Везит по тротуару бедовая девчонка.
"Другую любит... Никогда...Надеяться напрасно!"
А сердце спорит: Дура ты! Тебя полюбит, ясно!
Твоя любовь всевластна!

1959.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	2
ЕВГРАФ ЛАТЫШЕВ. Биографическая справка	3
Умелец	4
Весна идёт	5
Одной из многих "За больш. Делт." 3/Ш-57 № 2974	6
Слепая душа "Ревд. Рабочий" 2/Х1-58 № 4151	7
Апрель "На смену!" 1/У1-58 № 5738	8
Уральская пионерская	9
Начало пути	10
Осеннее утро	11
Барабанит в окно "На смену!" 1/У1-58 № 5738	12
Лето "На смену!" 1/У1-58 № 5738	13
Радость	14
Всенародный май "За бол. Делт." 1/У-58 № 3148-9.	15
Кузнец "Ревд. раб." 6/У-59 № 4223	16
Вечером "Ревд. рабоч." 5/1У-59 № 4215	17
Весеннее "Ревд. рабоч." 5/1У-59 № 4215	18
Альпинисты "Ревд. рабоч." 3/1У-59 № 4214	19
Заслон	21
Звёздочка "За больш. Делт." 30/УШ-59 № 3354	22
МИХАИЛ СНИЦКИЙ. Биографическая справка	23
Снугу "Приорит. правда", № 1453	24
Хорошо мы живём "Приор. правда", № 1455	25
Тебя не узнать "Пр. правда", № 1454	26

Шахтёрский огонёк	27
"За больш.Дегт." 30/УИ-59 № 3354	
Комсомолец Лёня	29
"За больш.Дегт." 29/Х-58 № 3224	
Этой весной	30
"За больш.Дегт." 19/У1-60 № 3451	
Случай на штреке	33
"На смену!" 8/УИ-59 № 6021	
Мои герои	36
"На смену!" 9/У1-60 № 6263	
Короткие рассказы	39
"За б.Дегт." 3 и 14/УИ-60 № 3455 и 3458	
МИХАИЛ ГАВРИЛИН. Биографическая справка	41
О поэзии	42
Баллада об отце и сыне	43
"Боевая вахта" 7/Х- 56 № 6359	
О т д у ш и	47
"На страже Родины", 1956 год	
Два отрывка из поэмы о целине	48
Первый отрывок был опубликован, "Ст.путь", 1957 г.	
На восток	60
"Сов.звезда" 24/У1-58 № 4744	
Учётчица	61
"Сов.звезда" 16/УИ-59 № 5037	
Эпиграммы	63
"На смену!" 10/1У - 60 № 6220	
Лиса и ёж	64
"На страже Родины"	
Весеннее	65
"На страже Родины"	
Дегтярские припевки	66
"За больш.Дегт." 20/Щ-60 № 3425	
Моему современнику	68
"За больш.Дегт." 17/Ш - 60 № 3424	
Упрёк	70
"За больш.Дегт." 10/Ш-60 № 3422	
Горняцкая песня	71
"За б.Дегт." 14/1У-60 № 3432 /перв.ред./	
Дороги	73
"Ревд.рабоч." 24/УИ-60 № 4414	

ЗУФАР МУХАМЕТОВ.	Немного о себе	74
	Сердце матери "Ревд.рабоч." 16/X-59 № 4297	75
	Сила коллектива "Боевое крылья".	78
	Начальник смены "Ревд.рабоч." 8/1 - 60 № 4330	83
	Ухаб на пути	87
ВРИИ НОСОВ .	О себе	92
	Край родной "За больш.Дегт." 19/X-58 № 3220	93
	Любимой Там же	94
	Ночь в Дегтярске	95
	Нашим женщинам	96
	Короткие рассказы "За большую Дегтярку"	97
	Родине "За больш. Дегт." 7/X1-58 № 3227-8	98
	Молодожёнам "За больш.Дегт." 23/X1-58 № 3234	99
	Вечером Там же	101
	* * * /"Идут недели без возврата..."	102
	Там же	
ВАСИЛИЙ МЕЛЬНИКОВ.	Биографическая справка	103
	Мой край родной "За больш.Дегт." 21/У-58 № 3156	104
	Шахтёры "За больш.Дегт." 1/У-59 № 3303-4	106
	Качканар "Ревд.рабоч." 19/У1-60 № 4399	107
АЛЕКСАНДР МЕЧАЕВ.	Биографическая справка	108
	Разговор в кабине "На страже" 1/У-59	109
	Беспокойные сердца Опубликован в арм.газете	112

МИХАИЛ МАЛЯРЕВСКИЙ. Биографическая справка 115

Один вечер учителя
Отрывок из пьесы 116

Древняя легенда 124

Девичья песенка 125

О Г Л А В Л Е Н И Е 126 - 129